

**БРИКС как прообраз будущего: культурно-цивилизационное
многообразие в действии**

Авторы: А.С.Запесоцкий, *ректор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, доктор культурологии, профессор, член-корр. Российской академии наук*

А.В.Яковенко, *ректор Дипломатической академии МИД России, доктор юридических наук, профессор, Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ*

А.М.Крамаренко, *директор Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России, Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ*

Апрель 2024 года

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
«Конфликт цивилизаций» - предчувствие конфликта	12
Запад против всех?	21
Культурно-цивилизационное самоопределение России	34
Украинский кризис: катализатор пробуждения России	41
Мировое большинство и реформа системы мироустройства	45
БРИКС – назревшая необходимость	53
Миропорядок по БРИКС	59
Картина нарождающегося мира	65

*«Культура представляет главный смысл и главную ценность
существования человечества»*

Академик Д.С.Лихачев

25 ноября 1996 г.

Предисловие

Уже никто из серьезных экспертов, в том числе западных, не оспаривает тезис о том, что мир переживает кардинальную трансформацию, точкой отсчета которой можно считать окончание Холодной войны и последовавший распад Советского Союза. Ушедшая в прошлое биполярность с ее идеологической конфронтацией на время сменилась в международных отношениях так называемым «однополярным моментом», который достиг своего апогея в президентство Дж.Буша-мл. (2001-2009 гг.) и затем пошел на спад, приведя к нынешнему геополитическому кризису, прежде всего резкому обострению отношений между Западом и Россией.

Ретроспективный анализ показывает, что текущее кризисное развитие стало результатом действия, главным образом, двух факторов. Первый - это высокомерный и недальновидный подход западных элит, прежде всего американских, которые провозгласили свою «победу в Холодной войне», хотя от ее окончания выиграли все, включая новую Россию, которая отказалась от советского идеологического наследия. Более рациональным подходом мог бы быть «мир без победителей» - идея американского происхождения, которая, однако, не была реализована после окончания Первой мировой войны, когда Германия и Советская Россия были отстранены от послевоенного урегулирования в Европе с катастрофическими последствиями для дела мира на континенте. Она была

бы крайне уместной на рубеже 80-90 гг. прошлого века, но такого, по-настоящему коллективного договорного урегулирования также не произошло, что не могло не иметь негативных последствий и на этот раз.

Последовавшее развитие событий показало, что США и Запад в целом в своем подходе к обустройству мира в новых условиях если не на словах, то на деле исходили из своего варианта «конца истории», который понимался как продолжение западного доминирования в мировых делах и мировом развитии - ему, как казалось, теперь не было альтернатив на уровне идей, ценностей и моделей развития. Сама идея «конца истории» слишком напоминает другие идеологические продукты европейской политической мысли, в том числе коммунизм, которым вдохновлялись большевики в Революции 1917 года. В более широком, философском смысле речь шла о некоем «последнем слове», которого не может быть в истории. Как и между людьми (а в этом весь Достоевский), это означало бы конец межгосударственного общения на основах равноправия, завершение исторического творчества государств и народов.

На деле все вылилось в банальную глобальную империю Запада, или Pax Americana, надо полагать, последнюю империю в истории человечества. Империю, которая со временем перестала рассматривать свое существование как само собою разумеющееся и перешла к активной обороне в условиях, когда почувствовала себе угрозу в лице подъема - на волне глобализации - всего остального мира, включая перспективные новые центры экономической и военной мощи, прежде всего Китай и Россию. Так, в 2015 году Китай обогнал США по размеру ВВП, исчисляемого по паритету покупательной способности, а в 2023 году Всемирный банк на том же основании был вынужден признать российскую экономику пятой в мире и крупнейшей в Европе. В отношении этих двух стран с середины нулевых годов этого века стала проводиться политика «сдерживания», отвечавшая инстинктам западных элит, которые к тому времени идейно

унифицировались в контексте «однополярности» и сплотились вокруг «американского лидерства». Все указывало на то, что на Западе прикладывали к новым центрам свою историческую мерку - восхождение к военной мощи через создание доминирующего экономического и технологического потенциала, своего рода геополитический дарвинизм в действии.

Этот охранительный тренд в западной политике указывает на второй фактор сложившейся ситуации, а именно, нежелание или неспособность, в том числе психологическую, элит западных стран кооптировать в контролируемую ими глобальную валютно-финансовую и иную архитектуру новые центры того, что все больше заявляло о себе как формирующаяся многополярность грядущего мироустройства. Это касалось Бреттон-Вудских институтов, ВТО и ОЭСР. Более того, с середины 10-х гг. речь уже шла о покушении на сами основы послевоенного миропорядка с центральной ролью ООН с подрывом международного права как такового - основанного на общих для всех его универсальных нормах, вырабатываемых коллективно мировым сообществом. В западных столицах заговорили о некоем «порядке, основанном на правилах», причем явно в обход Устава ООН и международного права вообще, то есть хранителями этих ситуативных «правил» (почему бы не опубликовать их перечень?) выступали сами западные столицы.

Исходя из общего контекста мировой политики, включая проведение в декабре 2021 года первого, тогда еще виртуального Саммита демократий «в целях обновления демократии у себя дома и противостояния автократиям за рубежом» (второй последовал в марте 2023 года) и тезиса о новом идеологическом противостоянии в мире - теперь по линии «либеральные демократии-авторитарные режимы», речь шла о двух в корне противоположных подходах в мировых делах: один - к тем, кто причислял себя к лагерю «либеральных демократий» под «американским лидерством»

и, разумеется, признавал его, другой - ко всем остальным, то есть незападному миру. Другими словами, мир уже был поделен этими подходами на два лагеря, обреченные на идеологическое и иное противостояние по образцу прежней биполярной конфронтации, даже если в нем вовсе не собирались участвовать предполагаемые оппоненты Запада, скажем, ни Россия, ни Китай. Кооптация тех же Пекина и Москвы в западную систему координат на условиях равноправия могла бы сделать ее инклюзивными, а затем и подлинно открытыми, учитывающими национальные интересы всех государств.

Катализатором дальнейшей кристаллизации глобальной политики в русле того, что можно назвать новой, переходной биполярностью, стало резкое обострение отношений между Россией и Западом на почве Украинского кризиса и проведения Россией Специальной военной операции (СВО) в целях демилитаризации и денацификации Украины. Начатая Западом гибридная война, включая тотальную экономическую в форме «санкционного давления из ада», спровоцировала де-факто политический раскол мирового сообщества на Запад и тех, кто себя с ним ассоциирует, и мировое большинство в составе всех незападных стран, составляющих три четверти членов ООН, включая все развивающиеся государства, но также все страны-члены БРИКС.

На этом фоне, как никогда прежде, заявила о себе имперская природа западного доминирования в глобальной политике, экономике и финансах, насчитывающего порядка пяти столетий (если считать с эпохи Великих географических открытий). Его отличительной чертой было подавление других культур и цивилизаций, будь то колониализм, работорговля или имперское строительство, к которым были причастны практически все западные страны, начиная с Нидерландов, Испании, Португалии и Великобритании и кончая Бельгией, Германией (после ее объединения под властью Пруссии) и США. В том числе эти внутривзаимные противоречия

привели к развязыванию двух мировых войн, в орбиту которых были втянуты колониальные страны и народы. В ходе Второй мировой наиболее агрессивные страны исторического Запада - Германия, Италия и Япония - встали на путь создания региональных империй, действуя зверскими методами, в целом присущими мироощущению западных элит, что ввело в международное право понятие преступлений против человечности.¹

В итоге Второй мировой, победа в которой была одержана союзниками по Антигитлеровской коалиции при решающей роли СССР, была ликвидирована внутривападная биполярность, которая служила источником европейских, колониальных и мировых войн на протяжении веков: страны «оси» вошли в контролируемые США военно-политические альянсы, включая двусторонние, и политические конфигурации, такие как «семерка». Холодная война, в которой окончательно сложился исторический Запад, при всей остроте противоречий между двумя лагерями отражала идейное доминирование в мире западной цивилизации, поскольку обе группы стран исповедовали различные идеологические продукты западной политической мысли, будь то капитализм или социализм/коммунизм, которые - каждый по-своему - предполагали «конец истории».

Одновременно в послевоенный период при активной роли СССР (при том что следствием самой Русской революции стало Пробуждение Азии) был осуществлен процесс деколонизации. Однако, как показала история, новые независимые государства попали в неоколониальную зависимость от Запада, который различными методами, в том числе через свои ТНК и посредством навязывания условий содействия по линии МВФ-

---

¹ Предметом данного доклада не являются проблематика специфического западного мироощущения и варианты альтернативной, умеренной политики Запада в период после окончания Холодной войны, в частности применительно к США. Для этого см. Коллектив авторов, Америка против всех. Геополитика, государственность и глобальная роль США: история и современность, М.: «Содружество культур», 2023. – 588 с. и Яковенко А.В. Геополитический перелом и Россия. О чем говорит новая Внешнеполитическая концепция России: монография. М.: Дипломатическая академия МИД России, 2023 – 144с.

ВБ, практически продолжал распоряжаться их природными ресурсами и влиял на их социально-экономическую политику и в целом общественное развитие. Стремление западных стран решать свои проблемы за чужой счет, фактически извлекать геополитическую ренту как «поставщики международных общественных благ» завело в тупик не только глобальную политику, но и мировое развитие. Запад со своими корыстными интересами оказался равен себе.

Постепенно в этом контексте в мире складывалось понимание культурно-цивилизационного многообразия мира как важнейшей характеристики будущего мироустройства. Поначалу сказалась контрпродуктивная (и саморазрушительная) политика Запада с позиции силы, полностью опровергавшая тезис о том, что «империя - это мир». Такое понимание росло и в части западных элит и политологического сообщества, прежде всего в связи с результатами так называемой «войны с террором» на Ближнем и Среднем Востоке, в Северной Африке и районе Сахеля. Появились идеи о неизбежности и непримиримости «конфликта цивилизаций»². В рамках ООН для проведения «диалога цивилизаций», был создан альянс цивилизаций, который дал первые, хотя и весьма ограниченные результаты в плане снятия противоречий между Западом и арабо-исламским миром.

Но текущий кризис, явно воспринимаемый сторонами как экзистенциальный, затрагивающий основы их идентичности и истории, поставил вопрос значительно шире и глубже. Теперь уже очевидно, что вся проблема существующего миропорядка и его грядущей радикальной трансформации упирается в необходимость обеспечения согласия и сотрудничества между существующими культурами и цивилизациями, в том числе в целях решения стоящих перед человечеством глобальных задач. Нынешняя западная система координат превратилась в тормоз мирового

---

² Хантингтон С. Ф. Столкновение цивилизаций. Москва: АСТ, 2022 г.

развития в силу того, что западная цивилизация в своей инерционной политике контроля, диктата и с позиции силы раз за разом доказывает свою несовместимость с другими культурами и цивилизациями. Она пребывает в затухающем режиме, предсказанном еще О.Шпенглером в его «Закате Западного мира», и не проявляет никаких признаков способности к конвергенции или адаптации к качественно новому состоянию мира.

Значимым событием в этом контексте явилось самоопределение России как «самобытного государства-цивилизации» в новой редакции Концепции внешней политики от 31 марта 2023 года³. Значение этой давно назревшей новации трудно переоценить. После пребывания в 300-летней иллюзии европоцентризма, которая закрепилась в нашем сознании всем советским опытом, только сейчас российское руководство признало очевидное (о чем, кстати, еще 100 лет назад писал Шпенглер, которого советская власть встретила в штыки), а именно о принципиальной культурно-цивилизационной отличности России и всего Русского мира от Запада, представленного романо-германским миром, мироощущение которого убедительной вивисекции и подверг Шпенглер. Теперь все встало на свои места, тем более что из этой чуждости между нами всегда исходили западные элиты, и своей политикой неприятия России в период после окончания Холодной войны они только помогли нам это осознать и принять давно назревшее решение. Его прямым следствием является адекватное и исторически обусловленное позиционирование страны на стороне незападного мира или мирового большинства (что также было предсказано 100 лет назад, только уже евразийцами).

Россия долгое время - как вещь в себе в цивилизационном отношении - оставалась недостающим звеном пазла грядущего миропорядка. С конца нулевых годов возникло трансконтинентальное объединение БРИКС

---

³ <http://kremlin.ru/acts/bank/49090>

(Южно-Африканская Республика присоединилась в 2011 году) как форум прагматического сотрудничества ведущих формирующихся экономик мира. Как и в случае с ШОС, которая изначально была создана для разрешения пограничных вопросов между Китаем и бывшими республиками Советского Союза, дальнейшее развитие БРИКС и обретение им своего подлинного смысла существования диктовались эволюцией глобального/геополитического контекста. Если Китай прямо ассоциировал себя с незападным миром, Россия долгое время после окончания Холодной войны руководствовалась инерцией европо-/западноцентризма, унаследованной от всей трехвековой истории своего предшествовавшего развития, включая советский период, полагая, что пришло время для неизбежной конвергенции того, что рассматривалось как большая Европейская цивилизация, восточной ветвью которой она всегда была. Крах этой иллюзии, имевшей не только политические, но и вполне очевидные когнитивные основания, качественно изменил позиционирование БРИКС, что не замедлило заявить о себе глобально - ввиду разного по форме и содержанию отказа государств незападного мира принять участие в санкционной войне Запада против России, но также в рамках работы Группы двадцати, где, как это четко проявилось при индийском председательстве в 2023 году, объединение стало противостоящим западной «семерке» полюсом незападного мира. На этой волне (вслед за расширением ШОС - аналогии с ней продолжают) произошло расширение БРИКС за счет в том числе ряда государств-членов «двадцатки» и ведущих региональных держав.

Все указывает на то, что затянувшееся и уже во многом инерционное доминирование Запада столкнулось с внятным и субъективно осознанным вызовом со стороны всех других ведущих цивилизаций мира, находящихся в стадии самоорганизации. Они не скрывают своего стремления стать архитекторами нового миропорядка, который должен прийти на смену

старому, который износился во всех отношениях, стал источником угроз международной безопасности и тормозом мирового развития. Это происходит в условиях назревшей качественной трансформации мира и всей человеческой цивилизации, включая развитие искусственного интеллекта, когда требуются иные культурно-цивилизационные и подлинно коллективные подходы взамен исчерпавших свой ресурс западных, которые к тому же явно стали дополнительным источником опасности в силу корыстных интересов западных элит, не оставляющих намерения жить «по-старому» во что бы то ни стало.

Как никогда прежде, на первый план для всех государств вышли вопросы развития, а с ними и вопросы национальной идентичности, роль и значение которой либо отрицались глобальным доминированием Запада, либо принижались собственными элитами, находившимися - политически и ментально - в западной системе координат. Если брать российские элиты, то речь идет о трехсотлетней иллюзии «встраивания» в Европу/Запад, дань которой в равной мере отдавали правительства Российской Империи и советская власть. К сожалению, эту химеру от позднего советского руководства унаследовали и элиты новой России. Уже не относительный, а абсолютный закат Западного мира, переживающего системный кризис своего общества, открывает пути для качественно новых подходов к решению собственных проблем развития и противодействию общим для человечества вызовам и угрозам.

Ключевую роль вдруг обрели вопросы культуры и истории как основа идентичности народов. С периферии они по праву - и в полном соответствии с идеями Д.С.Лихачева, включая его предложение закрепить в международном плане право на культуру наравне с прочими правами человека, включая право на жизнь⁴, - переместились в центр госуправления,

---

⁴ Летом 1995 г. Д.С.Лихачев выступил с инициативой разработки «Декларации прав культуры». На основе его предпроекта в 2001 г. были разработаны проект такой Декларации. В ней, в частности, говорится, что

внешней политики и международных отношений. Ничто не было столь своевременным и вызревшим в нашей истории, как культурно-цивилизационное самоопределение страны, спровоцированное враждебной западной политикой и ставшее следствием и в то же время источником духовного возрождения страны, запущенного СВО на Украине, обретения исторически обусловленного смысла существования.

Этот радикальный разворот в нашем самосознании также стал реакцией на «отмену» Западом русской культуры вплоть до русского языка, ответом в духе призыва Анны Ахматовой к «спасению Великого русского слова» в годы тяжких испытаний Великой Отечественной войны. Если тогда мы столкнулись с прямым «натиском на Восток» Западной цивилизации, отводившей главную роль нацистской Германии, одержимой проблемой «жизненного пространства», то теперь - с гибридной войной, в которой ключевая роль отведена Украине, переформатированной в анти-Россию и потому создающей нам угрозу в том числе на уровне идентичности и истории.

«Конфликт цивилизаций» - предчувствие конфликта

Надо отдать должное С.Хантингтону, который вскоре после окончания Холодной войны (его труд вышел в 1996 г.) многое предвидел - неслучайно его ценили те, кто трезво смотрел на вещи и понимал, что наступило начало конца западной гегемонии (в феврале 2024 г. Ж.Боррель заявил, что «эра западного доминирования подошла к концу», хотя «теоретически» это было понятно, но выводы из этого не делались) и что без адаптации к возникшей качественно новой геополитической ситуации этот конец неизбежен, как его ни называй, что продолжение «американского

«Вне культуры настоящее и будущее народов, этносов и государств лишается смысла» (ст.2). См. Декларация прав культуры (проект). – Санкт-Петербург: СПбГУП, 2002. – 20 с.

лидерства» надо «зарабатывать» - оно возможно только на условиях трансформации в нечто коллективное, причем это коллектив будет представлять собой собрание культур и цивилизаций, все из которых, включая Россию, отличны от западной. Так, он понимал, что все прежние конфликты, включая «конфликт идеологий» в Холодную войну, происходили внутри западной цивилизации. В принципе с ним можно согласиться и по части перечисления цивилизация, разве что исламскую можно было бы назвать арабо-исламской, а «православно-славянскую» - русской. В среде незападных цивилизаций происходит возврат к своим корням, что он отмечал и в России. Крайне важное замечание - об «усилении экономического регионализма», что сейчас, в контексте деглобализации, уместно назвать регионализацией глобальной политики, и о том, что эффективные международные институты в области политики, экономики и безопасности будут складываться скорее внутри цивилизаций, чем между ними. Можно только добавить, что аналогичные процессы проходили и в самом западном обществе - их стали клеймить как (правый) «популизм», что для демократии звучит абсурдно.

Отнюдь не был неизбежен конфликт между цивилизациями на уровне новой мировой войны. Но и тут Хантингтон оказался прав в отношении Запада и России: нынешний кризис, как минимум, по своим геополитическим последствиям, по мнению западных политологов, вполне отвечает этому определению. Отсюда и беспрецедентное повышение ставок западными элитами, которые, спровоцировав Украинский кризис, оказались вовсе не готовы к прямому вооруженному противостоянию с Россией. Мантрой администрации Дж.Байдена с начала СВО стало исключить две вещи - применения Россией ядерного оружия (не говорится, но понимается, что против европейских союзников США, которые, по сути оказались в положении заложников) и перелива конфликта за рамки Украины. Трактовка Хантингтоном «русского вопроса» представляет особый интерес.

В его понимании, Россия остается самой значительной «расколотовой страной»: если советская власть сняла с повестки дня «исторический спор между западниками и славянофилами», то уже неясно, что будет с Россией, «желающей присоединиться к Западу». Теперь очевидно, что первый тест на адаптацию Запада был провален на примере России, когда было принято решение о расширении НАТО на Восток. За ним последовала череда других провалов, включая Китай, Индию, Бразилию и арабо-исламский мир. Хантингтон не ошибся и в том, что модернизация не равнозначна вестернизации.

Еще один момент: в большей части других культур не находят отклика такие западные идеи, как индивидуализм, либерализм, равенство, свобода, свободный рынок, отделение церкви от государства и многое другое. Из этого заключается, по сути, новая биполярность - «Запад против остального мира». Другое дело, что она будет переходной - до утверждения многополярности, так как цивилизации, как и государства, должны быть равны, а значит, и учиться сосуществовать на этой основе друг с другом. Хантингтон оказался прав в том, что наиболее трудным этот процесс «обучения» будет для Запада, которому придется кооптировать в свои глобальные институты всех остальных. Наряду с укреплением внутреннего единства Запада он особо выделял необходимость поддержания и расширения сотрудничества с Россией и Японией (сейчас понятно, что в части Японии этот вопрос был решен).

Если оставить в стороне книгу Хантингтона, который весьма своевременно поставил проблему межцивилизационных отношений, хотя, понятно, как угрозу Западу и миропорядку, в котором тот доминирует, в практическую плоскость в мировой политике она перешла как следствие развязанной США «войны с террором» при администрации Дж.Буша-мл. Впервые пришлось задаться вопросом о наличии иных, помимо западной, культур и цивилизаций, причем весьма отличных и готовых отстаивать свои

ценности и модели развития. Речь шла о реакции в формате «исламского фундаментализма» на политику США, прежде всего силовую, в исламских странах и арабо-исламском мире в целом. Пожалуй, также впервые, под вопрос были поставлены унификаторский тренд американских элит и сопровождающий его интервенционизм, отражающие один из ключевых постулатов послевоенной внешнеполитической философии Вашингтона, а именно, что различия на уровне культуры являются источником международных конфликтов. Эти различия предполагалось не гармонизировать, а подавлять и устранять, почти как «наследие проклятого прошлого», в том числе посредством экспорта американской массовой культуры. По существу, речь шла о борьбе с историей и культурой других народов как источниками национальной идентичности. В качестве примера брался американский опыт «плавильного котла» по созданию единой американской идентичности, который, однако, потерял свою убедительность в последние годы.

Провал американских войн в Афганистане и Ираке, последствия вмешательства в Ливии и Сирии в контексте «арабской весны» в целом, что было похоже на саморазрушение Америки в части ее международного позиционирования, побудили наиболее проницательных американских политиков, главным образом, демократической ориентации (благо они были не у дел при республиканской администрации) заняться междивилизационной проблематикой. Так, Збигнев Бжезинский в своей чуть ли не установочной статье «Дилемма последнего суверена» в журнале *American Interest* за осень 2005 года, заметив, что «для большинства государств суверенитет граничит с правовой фикцией», писал, что США не могут игнорировать то, что он охарактеризовал как «массовое политическое пробуждение» повсюду в мире. Признав, что террор стал следствием западных революций, прежде всего Французской с ее лозунгом «Свобода, равенство, братство!», Бжезинский указал на необходимость для Америки,

которая в одиночку не в состоянии решить ни одну значимую международную проблему, пересмотреть свои внешнеполитические подходы и проявить готовность к «формированию общего понимания нашей исторической эпохи» с другими странами и партнерами. Он ставил вопрос о «новой глобальной солидарности», которая поглотила бы и американский суверенитет: то есть «поставить американский суверенитет на службу общему благу» - только так США могли бы подкрепить свою «международную легитимность».

Одновременно он предупреждал - и тут, возможно, впервые в американском политологическом дискурсе было употреблено слово «самопоражение» (self-defeat) - что в противном случае к нынешним глобальным дилеммам Америки будут «зловеще иметь отношение» предсказания О.Шпенглера, А.Тойнби (о «суицидальном госуправлении») и С.Хантингтона.

В части Хантингтона он обращает внимание на то, что глобализация вместо того, чтобы создать общую цивилизацию, провоцирует межцивилизационные столкновения и цитирует: «Далее следует эрозия западной культуры, в то время как заново утверждают себя местные укорененные в истории нравы, языки, верования и институты». И еще: «демократия - по своей природе провинциализирующий, а не космополитизирующий процесс, результатом которого служит народная мобилизация против элит, получивших западное образование и ориентированных на Запад». Как бы то ни было, призыв о том, что «Америка должна посвятить свой суверенитет делу, большему, чем собственная безопасность», так и не был услышан.

О том, что Бжезинский имел в виду именно решение проблемы межцивилизационного согласия, говорит предлагавшаяся им, в том числе вместо «восьмерки», «группа 14-ти», или «саммит по глобальной безопасности», в составе: США, Великобритания, Франция, Германия,

Россия, Китай, Индия, Пакистан, Индонезия, Япония, Нигерия, Южная Африка, Бразилия и Мексика. В книге «Стратегический взгляд»⁵ (2012 год) Бжезинский развил своей тезис о необходимости обеспечения инклюзивности контролируемых Западом международных институтов. В частности, он признал необходимость создания «более жизнеспособного большого Запада» за счет интеграции в него двух евроазиатских стран - России и Турции.

В дискуссию - с тем же результатом - вступила и бывший госсекретарь М.Олбрайт. В книге «Могущественные и Всемогущий»⁶ (2007 год) она также считала необходимым радикально пересмотреть американский подход к своему глобальному лидерству. Она напоминает, что Дж.Кеннеди рассматривал (его высказывание от 1957 года) «не коммунизм, а империализм в качестве главного теста, который должна пройти американская внешняя политика». И в числе ее главных рекомендаций: «Они (лидеры «Аль-Каиды») озабочены трансцендентными вопросами истории, идентичности и веры. Чтобы нас услышали, остальные из нас должны столь же глубоко относиться ко всем вещам». Дальше у нее говорится об общности ценностей основных мировых религий, к которым и надо апеллировать, о необходимости борьбы с глобальной бедностью, как это предусмотрено в Целях развития тысячелетия ООН, о том, что американцам не мешает смирение, к которому побуждает их собственная история, с чем трудно не согласиться. Но вся проблема в том, что администрации США одна за другой исходили из «автоматизма» распространения американской гегемонии на весь остальной мир после окончания Холодной войны - это с опозданием признал Генри Киссинджер в своей книге «Мировой порядок» 2014 года⁷.

---

⁵ Бжезинский З. Стратегический взгляд: Америка и глобальный кризис. - М.: АСТ, 2012. - 288 с.

⁶ Madeleine Albright, *The Mighty and the Almighty. Reflections on America, God, and World Affairs*, Harper Perennial, N.Y., 2007.

⁷ Киссинджер Г. Мировой порядок. - М.: АСТ, 2023. - 544с.

М.Олбрайт по праву приветствовала идею Альянса цивилизаций, выдвинутую в рамках ООН Мадридом и Анкарой. К чему, однако, все свелось?

В июле 2005 года Кофи Аннан, занимавший тогда пост Генерального секретаря ООН, поддержал инициативу создания при коспонсорстве премьер-министров Испании и Турции Хосе Луиса Сапатеро и Реджепа Эрдогана глобального Альянса цивилизаций. Целями этой инициативы должны были стать мобилизация коллективной политической воли на преодоление разрыва и растущего недоверия между цивилизациями, культурами и обществами, в первую очередь между Западом и исламским миром, а также налаживание взаимопонимания между ними. Проблемой признан процесс инкорпорирования в европейское общество мусульманского населения: не ясен путь развития исламских сообществ внутри европейских государств. То ли речь должна идти об их ассимиляции и полной интеграции, то ли, наоборот, о том, что они будут иметь все больше возможностей для самовыражения, развития собственной исламской идентичности. Актуальность этой проблемы не раз демонстрировали события во Франции и других странах ЕС. Кроме того, возникла и общая для всех проблема развязанной США «войны с террором».

Авторство идеи создания Альянса цивилизаций принадлежит Испании, которая еще в средние века продемонстрировала блестящие образцы симбиоза арабской и европейской культур. В истории так называемой "мусульманской Испании" были и трагические моменты, но было и сотрудничество, и взаимодействие культур, позитивное, как нигде. Причины Турции вполне очевидны. Тогда речь шла о том, чтобы показать, что мусульманская страна вполне совместима с западной цивилизацией. Для руководства Альянсом цивилизаций была сформирована Группа высокого уровня (ГВУ) в составе 18 членов во главе с представителями Испании и Турции. От России в нее вошел видный востоковед академик В.В.Наумкин.

В докладе, представленном Генсекретарю ООН в ноябре 2006 г., дана как общая оценка ситуации, в том числе в свете возникновения и роста религиозного экстремизма. Особо подчеркивалось, что никогда ранее не ощущалась так остро "необходимость наведения мостов между сообществами, содействия диалогу и пониманию, и формированию коллективной политической воли в целях устранения существующих в мире диспропорций"⁸. Авторы документа исходили из необходимости уважения регионального и культурного разнообразия, из того, что любой альянс цивилизаций должен по своему характеру строиться на многополосной перспективе.

По мнению ГВУ, ярчайшим символом разногласий, существующих в настоящее время между Западом и исламским миром, является израильско-палестинский конфликт, который, вместе с военными интервенциями стран Запада в Афганистан и Ирак, а также в результате несоразмерных действий Израиля в секторе Газа и Ливане, служит мощнейшим катализатором возмущения и взаимного недоверия. В частности, израильско-палестинская проблема давно вышла за рамки узкорегionalной, связанной с разделом территорий, и "приобрела символическое значение, окрашивающее межкультурные и политические отношения между приверженцами всех трех великих монотеистических вероучений далеко за пределами ее ограниченной географической сферы".

Таким образом, в докладе содержалось большое количество конструктивных предложений, которые, в случае их реализации, могли бы существенно ослабить существующую напряженность и способствовать налаживанию межкультурного диалога. Однако, и сама инициатива по созданию глобального Альянса цивилизаций, и доклад ГВУ вызвали предсказуемую критическую реакцию в ряде государств, в том числе в США, где забыли, что они пожинают то, что посеяли, включая содействие

---

⁸ <https://www.un.org/ru/events/pastevents/panel.shtml>

«джихаду» в Афганистане (в скобках будет замечено, что тогда власти Саудовской Аравии взяли курс на экспорт ваххабитской пассионарности, дабы приглушить ее внутри собственной страны).

Трудно не согласиться с В.В.Поповым в том, что в контексте глобализации «срабатывает инстинкт самосохранения, возрастает сопротивление попыткам унификации, защита идентичности: национальной, религиозной, языковой, стремление к сохранению традиционных ценностей. В каждой культуре и отдельной среде имеются своя система координат, разное понимание человека, его прав и свобод».⁹ Он отмечает, что два крупнейших международных проекта – Диалог цивилизаций (предложен Тегераном в 2001 году) и Альянс цивилизаций, взятый под свою эгиду ООН, не были осуществлены из-за оппозиции консервативных сил Запада, прежде всего США. По сути, речь шла о первом опыте Запада ведения дел с иной цивилизацией - не исключено, что он стал тенью, которую отбрасывает будущее, прежде чем наступить, которым и стал нынешний конфликт Запада с Россией, имеющий все признаки цивилизационного. И тут западные элиты подвело высокомерие. Как отмечал американский социолог И.Валлерстайн на Лихачевских чтениях 2009 года, «эффективный диалог может быть только на основе равноправия сторон». Тогда Запад действовал прагматично, если не сказать цинично, стремясь вовлечь мировое сообщество в решение своей проблемы – но не налаживания междивизиационных отношений, а купирования подъема радикального, политического ислама. И тут ситуацию только усугубили как рост исламофобии на Западе, так и выраж западных элит в сторону ультралиберализма, который увеличил дистанцию между ценностями двух цивилизаций. Запад, по существу, не заметил протянутой ему руки Организации Исламского сотрудничества (ОИС), выступившей за

---

⁹ Попов В.В. Почему пробуксовывает диалог цивилизаций. Вестник МГИМО-Университета. 2012;(4(25)):147-154.

всемерное содействие исламо-христианскому диалогу и взаимодействию цивилизаций. В то время, как Россия вошла в ОИС в качестве наблюдателя. В 2006 году была образована Группа стратегического видения «Россия-исламский мир» под руководством Е.М.Примакова и М.Ш.Шаймиева.

Запад против всех?

Как бы то ни было, Запад так и не смог сделать свою гегемонию инклюзивной, открытой для всех других цивилизаций, для чего требовалось признать их равенство. Надо заметить, в Вашингтоне «споткнулись» о Россию и Китай, перейдя к политике их «сдерживания» по аналогии с политикой времен Холодной войны. Соответственно, это не оставило места ни для какой инклюзивности и даже линии на «конструктивное сотрудничество» (constructive engagement), которая в целом дала Западу неплохие результаты в эпоху биполярности.

На экспертном уровне в США были сделаны попытки предложить принципиальные альтернативы сложившемуся вследствие геополитических и идеологических императивов Холодной войны пониманию национальной безопасности. Наиболее фундированный и комплексный подход, который мог бы способствовать выводу США, а с ними и Запада из геополитического и цивилизационного одиночества, был предложен в 2011 году двумя анонимными военными аналитиками в документе, озаглавленном «Национальный стратегический нарратив»¹⁰. Его содержание поддержала и емко изложила А.-М.Слотер из Принстонского университета, которая до этого в течение двух лет возглавляла Штаб политического планирования Госдепартамента в бытность Госсекретарем Х.Клинтон (надо заметить, в короткий период «перезагрузки» администрацией Б.Обамы отношений с Россией). На ее взгляд,

---

¹⁰ A National Strategic Narrative by Mr. Y, размещен на сайте Центра Вудро Вильсона www.wilsoncenter.org.

назрела необходимость кардинальной реформы в сфере национальной безопасности по следующим предложенным в этом документе, сопоставимом по значимости с идеями Джорджа Кеннана в его знаменитой Длинной телеграмме из Москвы и затем в статье по псевдонимом “Х” в журнале «Форин Аффэрс» в 1947 году по стратегии сдерживания СССР, направлениям:

- «переход от контроля в закрытой (международной) системе к вызывающему доверие влиянию в открытой системе»;

- «переход от сдерживания к устойчивому внутреннему развитию», под которым понимается воссоздание основ конкурентоспособности США в новой глобальной высококонкурентной среде (что, по сути, попытался впоследствии сделать Д.Трампа под изоляционистским лозунгом «Сделаем Америку вновь великой!»);

- «переход от сдерживания посредством устрашения (deterrence) и от обороны к гражданскому сотрудничеству и конкуренции» (также нашло отражение в Стратегии национальной безопасности Трампа от декабря 2017 года в тезисе о «мире сильных суверенных держав, конкурирующих между собой»; при этом Слотер ссылается на призывы тогдашних председателя ОКНШ адмирала М.Маллена и министра обороны Р.Гейтса к «демилитаризации американской внешней политики»;

- «переход от нулевой суммы к положительной сумме в глобальной политике и экономике»; в частности, нельзя рассматривать подъем других стран (речь о Китае) как упадок других;

- «переход от понятия «национальная безопасность» к национальному процветанию и безопасности»; международное влияние надо «зарабатывать».

Таким образом, в тогдашнем «окне возможностей», которое быстро закрылось вследствие спровоцированного США Украинского кризиса и внутреннего противостояния в связи с победой Трампа на выборах 2016 года, был выработан комплекс идей альтернативного, в духе требований времени, международного позиционирования США, которые были скомпрометированы в

глазах элит «изоляционизмом» Трампа (возник ярлык «трампизм») и его не доказанными «связями с Москвой». Их реализация открыла бы путь к международному сотрудничеству США на совершенно новых основаниях, включая переход всего Запада к тому, что теперь мы можем назвать культурно-цивилизационной совместимостью. Впервые на такой развилке в своей внешней политике США и Запад оказались в связи с окончанием Холодной войны и распадом СССР, когда был сделан выбор в пользу инерционного развития, без пересмотра всей послевоенной внешнеполитической философии Америки. Тогда «наиболее роковым», в определении Дж.Кеннана, стало решение о расширении НАТО на Восток.¹¹ Оно имело свою конфронтационную логику, плоды которой приходится пожинать практически всему миру, в том числе в ущерб межцивилизационному согласию как основе нового миропорядка. Именно к этой цели приближала идея Бжезинского о создании «группы 14-ти». В пользу этого говорит и судьба «восьмерки» с участием России - этот формат оказался мертворожденным в силу неспособности Запада строить свои отношения с Россией на основе равноправия. Будь иначе, «восьмерка» могла бы расшириться за счет приглашения в нее Китая, Индии и Бразилии, которые вынуждены были довольствоваться форматом «аутрич» («семерка» + приглашенные страны).

Все указывало на то, что Запад, по крайней мере его элиты, не в силах выйти за круг присущих им политико-психологических ограничителей, будь то инстинкты или предрассудки, в своем видении мира и места Запада в нем. Собственно, об этом говорит и врожденное недоверие к России, от которой всегда ожидали какого-то подвоха, нестандартного поведения и потому решили «подстраховаться» (hedging) расширением НАТО вместо того, чтобы попытаться «мягко управлять» российской трансформацией. Произошло то, что было легко предугадать и что президент Б.Клинтон на

---

¹¹ Крамаренко А.М. Расширение НАТО: предыстория «рокового решения». Что делать? 25 января 2018 (на сайте РСМД)

саммите альянса в январе 1994 года назвал «самосбывающимся пророчеством»¹². Косвенно это следовало и у Хантингтона.

Одновременно атмосфера расслабленности и эйфории в западном сообществе на начальном этапе «однополярного момента» в числе прочего позволила на экспертном уровне назвать вещи своими именами: внешняя политика - это такая же политика идентичности, как и любая другая, что верно и для западных стран. Заслуживает внимания свидетельство на эту тему бывшего сотрудника Форин Офиса и высокопоставленного функционера Еврокомиссии Р.Купера в его книге «Распад наций» 2003 года¹³. Он описывает встречу премьер-министра Г.Макмиллана с президентом Дж.Кеннеди в Нассау в декабре 1962 года, то есть после Карибского кризиса. Тогда встал вопрос о замене ядерного оружия Великобритании, в чем англичане были зависимы от американцев. Министр обороны Р.Макнамара усомнился в том, что оно вообще должно быть под независимым контролем союзников, включая англичан: тогда создавались совместные «ядерные миссии» НАТО, которые обеспечивали доступ к ядерному оружию в том числе немцам, обсуждалась тема «гибкого реагирования» и т.п. Британский премьер реагировал болезненно, отмел все эти аргументы и обосновал необходимость обладания его страной ядерным оружием (со слов цитируемого автором Макджорджа Банди, советника президента США по национальной безопасности), ссылаясь на британскую историю и, в частности, сопротивление британцев нацистской Германии в 1940 году: «Отказаться от собственных сил ядерного сдерживания означало бы, что Британия не является той страной, которая прошла через свою прежнюю историю... Или Англия остается в ядерном клубе, или он (Макмиллан) подаст в отставку». При этом делался откровенный намек на то, что тогда Лондон может пойти на нечто вроде «полусотрудничества-

---

¹² Киссинджер Г., Дипломатия. - М.: АСТ, 2018.

¹³ Robert Cooper, The Breaking of Nations. Order and Chaos in the Twenty-First Century, Atlantic Books, London, 2003, pp.127-128.

полунейтралитета». То есть речь шла не об интересах, в том числе западного альянса, а о том, как «британцы воспринимают себя».

Ценным представляется и замечание Купера о том, американцы создали в лице НАТО, ОЭСР и Бреттон-Вудских институтов «видение более широкой, западной идентичности», которая, похоже, оказалась некой ловушкой для американской элиты.¹⁴ На фоне Брекзита в 2016 году британские обозреватели, озабоченные тем, что союзники теперь будут третировать Великобританию как изменившую «общезападному делу» (действительно, в реакции на континенте писали о британском «ноже в спину» Западу, одним из ключевых институтов которого является Евросоюз), оперировали термином «историческая держава», которую (к этой категории они отнесли и Россию) надо «либо вовлекать, либо готовиться ей противостоять».

О стойкости прежних имперских представлений о Великобритании пишет Джереми Паксмен в своей «Империи»¹⁵. Он, в частности, писал: «Болезнь Британской империи были скорой и фатальной и привела к концу за несколько десятилетий. В обеих мировых войнах британцы оказались на стороне победителей, и поэтому им никогда не было нужно заново переосмысливать себя как нечто отличное от того, чем они когда-то были. Не было нужды и думать о наследии, которое оставляли их действия. Все что требовалось - это готовность принимать себя такими, какими они были прежде, только в сокращенном варианте. Насколько было бы лучше, если бы представился шанс сочинить себе какую-нибудь другую судьбу».¹⁶ Не исключено, что схожее восприятие себя бытует и у американской элиты, пока неспособной перестроиться ни психологически, ни на уровне политики.

Г.Киссинджер в своей книге «Лидерство» 2022 года, которую можно рассматривать как его политическое завещание, говоря о качествах

---

¹⁴ Ibid, p.143.

¹⁵ Jeremy Paxman, Empire. What Ruling the World Did to the British, VIKING/Penguin Books, England, 2011.

¹⁶ Ibid, p. 12.

выдающихся политических деятелей указывал, помимо силы характера и «глубокой культуры» (в том числе хорошее знание истории и философии, а также привычка к чтению в противовес современной «визуальной культуре»), на осознание ими своей национальной идентичности. «В отличие от своих аристократических предшественников эти лидеры (а это в том числе Никсон, де Голль, Аденауэр и Тэтчер) обладали глубоко укорененным чувством национальной идентичности, которое их вдохновляло... Они не выставляли себя «гражданами мира»... и никто из них не принял космополитичную идентичность. Для них привилегия гражданства предполагала ответственность являть своим примером особые добродетели своей нации. Служить своему народу и воплощать величайшие традиции своего общества было высокой честью»¹⁷.

Примечательно, что он цитирует Кристофера Лэша, ставшего одним из первых критиков американской элиты: «Каковы бы ни были его недостатки, национализм среднего класса предоставлял общую почву, общие стандарты и общую систему координат, без которых общество растворяется в то, что является ничем иным, как соперничающими фракциями, как это столь хорошо понимали отцы-основатели Америки - в войну всех против всех»¹⁸.

Другими словами, как об этом пишет британский исследователь Д.Гудхарт¹⁹, западное общество оказалось поделенным на космополитичные элиты и укорененное в своих странах, регионах и истории большинство. Можно предположить, что именно эта более широкая, глобальная идентичность западных элит лежит в основе не только внутреннего кризиса западного общества, но и проблем внешней политики Запада, оказавшейся не в состоянии вернуться к своим национальным корням.

---

¹⁷ Henry Kissinger, *Leadership. Six Studies in World Strategy*, Allen Lane/Penguin Books UK, 2022, p. 400-401.

¹⁸ Christopher Lasch, *The Revolt of the Elites and the Betrayal of Democracy*, New York: Norton, 1995, pp.48-49.

¹⁹ David Goodhart, *The Road to Somewhere: The Populist Revolt and the Future of Politics*, Hurst & Co, 2017.

С позиций Томаса Гоббса, рассматривавшего государство в минималистском ключе - как средство предотвратить эту «войну всех против всех», критикует нынешнее состояние западного общества, которое имеет прямое отношение к проблематике нового миропорядка, британский философ Джон Грей в своем исследовании на тему «Новые Левиафаны. Мысли после либерализма»²⁰. Мало того, что он пишет о тоталитарной эволюции либерализма в форме ультралиберализма Демпартии США, когда элиты покушаются не только на свободу слова, но и свободу мысли, начиная с университетов, им признается всеобщее значение пророчеств-предупреждений Ф.М.Достоевского в его «Бесах»: они имеют прямое отношение не только к России, но и к западному обществу. Правда, жаль, что он не идет дальше и не ссылается на Легенду о Великом инквизиторе, лежащую в основе всех последовавших антиутопий, включая вещи Дж.Оруэлла.

Из этой общности вполне можно извлечь лишнее доказательство тому, что русский нигилизм подпитывался идеями европейской/западной политической мысли. Действительно, какая разница между советской «политической целесообразностью» и нынешней западной «политкорректностью»? Результат один и тот же, поскольку плоды одного и того же «дерева» западной цивилизации. Тут можно привести мнения из сборника 1922 года по первому тому «Заката Западного мира» О.Шпенглера, который стал последней каплей для новой власти, решившейся выслать инакомыслящих интеллектуалов из страны на «философских пароходах».

С точки зрения российской идентичности имеет значение убедительно проведенное Шпенглером различие между культурой и цивилизацией: первая - это становление, расцвет и судьба, вторая - закат и

---

²⁰ John Gray, *The New Leviathans. Thoughts After Liberalism*, Allen Lane/Penguin Books UK, 2023.

смерть с утратой способности к саморазвитию. В этой связи, но и в силу своей сохраняющейся актуальности заслуживает особого внимания первая реакция русских мыслителей на первый том труда Шпенглера²¹.

Ф.Степун: «Задача Шпенглера — покинуть эту Птолемеевскую точку зрения, стать Коперником от истории, перестать вращать историю вокруг мнимого центра западно-европейского мира, обрести по отношению к ней пафос дистанции... Противоположность культуры и цивилизации — главная ось всех Шпенглеровских размышлений... Он твердо знает, что Европе осталось одно — смерть; что в Европе возможна только цивилизация и не возможна культура, и потому он каким-то своим римско-прусским вкусом к доблести воина и мужа требует от современного человека навстречу смерти открытых объятий, безропотного служения цивилизации... Сущность всякой цивилизации в атеизме: в умирании мифа, в распадении форм символического искусства, в замене вопросов метафизики вопросами этическими и практическими, в механизации жизни. Все эти мотивы явно присутствуют в господствующих течениях современной мысли: — в дарвинизме и социализме... В этом перерождении религиозный вертикал фаустовской души, вокруг которого строилась и вращалась европейская культура, превращается в горизонтально расположенную атеистическую ось европейской цивилизации... О русской философии не приходится и говорить, она вся, от Ивана Киреевского до Владимира Соловьева и Льва Толстого, посвящена вопросу обезбоженья Европейской культуры, т. е. вопросу Европейской цивилизации... Успех этого вызова психологически предполагает некую утрату веры в науку, как в верховную силу культуры, очевидно означает происходящий в многих европейских душах кризис религии науки... Под Верденом она, быть может,

---

²¹ Освальд Шпенглер и закат Европы, Степун Ф. А., Франк Л. С., Бердяев Н. А., Бушпан Я. М., М.:Берег, 1922.

отстояла себя как сильнейший мотор современной жизни, но и решительно скомпрометировала себя, как ее сознательный шофер...»

С.Франк: «Не существует ничего «общечеловеческого» — не только искусство, религия, нравственность у каждой культуры свои особые, но не существует также ни чисел «вообще», ни истины «вообще», ни пространства и времени — все это коренным образом различно в каждой культурной эпохе... Конечно, самое уловление момента у м и р а н и я западной культуры в явлениях «цивилизации» XIX века должно быть признано бесспорным. Эта идея Шпенглера, неслыханная по новизне и смелости в западной мысли, нас, русских, не поражает своей новизной: человек западной культуры впервые осознал то, что давно уже ощущали, видели и говорили великие русские мыслители-славянофилы. От этих страниц Шпенглера, проникнутых страстной любовью к истинной духовной культуре Европы, которая вся в прошлом, и ненавистью к ее омертвлению и разложению в лице ее современной мещанской «цивилизации», веет давно знакомыми, родными нам мыслями Киреевского, Достоевского, Константина Леонтьева...».

Н.Бердяев: «Книга Шпенглера имеет огромное симптоматическое значение. Она дает ощущение кризиса, перелома, конца целой исторической эпохи. Она говорит о большом неблагополучии Западной Европы. Мы, русские, уже долгие годы оторваны от Западной Европы, от ее духовной жизни. И потому, что нам закрыт доступ в нее, она представляется нам более благополучной, более устойчивой, более счастливой, чем это есть в действительности. Еще до мировой войны я очень остро ощутил кризис европейской культуры, наступление конца целой мировой эпохи... Во время войны я написал статью "Конец Европы", в которой выразил мысль, что начинаются сумерки Европы, кончается Европа, как монополист культуры, что неизбежен выход культуры за пределы Европы, к другим материкам, к другим расам... Он знает, что культура религиозна по своей

природе и этим отличается от цивилизации, которая безрелигиозна. Но религиозного смысла в культуре он не постигает. Он обречен себя чувствовать человеком цивилизации именно потому, что он безрелигиозен. Но ему дано было высказать самые благородные мысли, какие могли быть высказаны неверующей душой в наше время. За его цивилизаторским самочувствием и самосознанием можно ощутить печаль культуры, потерявшей веру и склоняющейся к упадку...

Нас, русских, нельзя поразить этими мыслями. Мы давно уже знаем различие между культурой и цивилизацией. Все русские религиозные мыслители утверждали это различие. Все они ощущали некий священный ужас от гибели культуры и надвигающегося торжества цивилизации. Борьба с духом мещанства, которое так ранило Герцена и К. Леонтьева, — людей столь разных укладов и направлений, основана была на этом мотиве. Цивилизация по существу своему проникнута духовным мещанством, духовной буржуазностью. Капитализм и социализм совершенно одинаково заражены этим духом. Под враждой к Западу многих русских писателей и мыслителей скрывалась не вражда к Западной культуре, а вражда к западной цивилизации. Константин Леонтьев — один из самых проницательных русских мыслителей, любил великую культуру Запада, он любил цветущую культуру ренессанса, любил великую католическую культуру средневековья, любил дух рыцарства, любил гений Запада, любил могущественное проявление личности в этом великом культурном мире. Он ненавидел цивилизацию Запада, плод либерально-эгалитарного прогресса, угашение духа и смерть творчества в цивилизации... Истинной духовной культуре, изжившей свой ренессанский период, исчерпавшей свой гуманистический пафос, придется вернуться к некоторым началам религиозной культуры средневековья, не варварского средневековья, а культурного средневековья... В одном своем аспекте Фауст целиком

должен отдаться внешней материальной цивилизации, цивилизованному варварству...»

Я.М.Букшпан «Таким образом, Шпенглер помогает нам нащупать точный диагноз духовной болезни современной европейской культуры: безрелигиозный скептический самоутвержденный рационализм, и в этом раскрытии его величайшая художественно-философская заслуга».

Участники Сборника хотели быть оптимистами, не зная, что Европе предстоит в XX веке. Вровень со Шпенглером встал Василий Розанов. В своем «Апокалипсисе нашего времени» он попросту признал очевидное: «...в европейском (всем, - и в том числе русском) человечестве образовались колоссальные пустоты от бывшего христианства; и в эти пустоты проваливается все: троны, классы, сословия, труд, богатства... Но все это проваливается в пустоту души, которая лишилась древнего содержания.»²².

Александр Солженицын, наш современник, также не мог заблуждаться насчет состояния Запада. В своем Письме вождям Советского Союза в 1973 году он отмечал «многосторонний тупик западной цивилизации», который мы обречены разделить, если не одумаемся. «Жадная цивилизация «вечного прогресса» захлебнулась и находится при конце. И не «конвергенция» ждёт нас с западным миром, но - полное обновление и перестройка и Запада, и Востока, потому что оба в тупике.»²³ Солженицын апеллирует к тем, кого «затравили реакционными «славянофилами», затравили тех, кто говорил, что такой колосс, как Россия, да со многими душевными традициями, особенностями и бытовыми традициями, вполне может поискать и свой особый путь в человечестве; и не может быть, чтобы путь развития у всего человечества был только и непременно один» (прямой ответ Чаадаеву). Будет уместным сказать, что

²² Розанов В.В., Апокалипсис нашего времени. – М.: ЭКСМО, 2015. - 640 с.

²³https://www.solzhenitsyn.ru/proizvedeniya/publizistika/stati_i_rechi/v_sovetskom_soyuze/pismo_vojzdyam_s_ovetskogo_soyuza.pdf

Тютчев в своем «Письме о цензуре в России» (предположительно записка царю) призывал к свободе слова и общественных дискуссий как средству преодоления европоцентризма самодержавной власти, по отношению к которой советская оказалась в данном отношении в состоянии полнейшей преемственности - из нее мы выходим только сейчас.²⁴

Поминая «мечтателей Просвещения», Солженицын переключается с мыслителями Франкфуртской школы, которые «показывают, что возникновение тоталитаризма, ужас Майданека и Освенцима, гекатомбы жертв - все это продукт социально-освободительных устремлений Нового времени, результат просвещенческой пропаганды и борьбы за демократию, которая вылилась в победу масс. Ханна Арендт выдвинула несколько иную версию, но и ее идея заключается в том, что тоталитаризм со всеми его ужасами и прежде всего массовыми убийствами и страшной войной - продукт нашего и исключительно нашего времени, что он «соткался» из множества характерных для XIX и XX вв. идейных течений и социальных тенденций»²⁵.

Шпенглера можно считать предшественником постмодернистов. Вот что пишет Степун в указанном сборнике 1922 года: «Шпенглер выраженный скептик, понятия абсолютной истины для него не существует... Идеи так же смертны, как души и организмы... Шпенглер одновременно мужественный пророк. Содержание его пророчества - смерть европейской культуры... «Закат Европы» сработан Шпенглером не из понятий, но из слов, которые должны быть читателем прочувствованы, пережиты, увидены... Что такое причинность? - мертвая судьба. Что такое судьба? - органическая логика бытия». Все так и получается: культура в XX веке не спасла Европу, но Россия спаслась культурой, унаследованной от Европы и преображенной ею, что фактически признает Ю.Слезкин²⁶.

---

²⁴ Тютчев Ф.И., Россия и Запад. - М.: Культурная революция; Республика, 2007. - 574 с.

²⁵ Цитируется Леонид Ионин в его предисловии к: Канетти Элиас, Массы и власть. - Москва: Издательство АСТ, 2022. - 704 с.

²⁶ См. далее по тексту

Постмодернисты видели причину трагедий Европы в метанарративе западной цивилизации и поэтому разрушали его, как только могли, включая логоцентризм в литературе (деконструкция Ж.Дерриды) - альтернативой ему стал полифонический роман Достоевского, все творчество которого утверждало христианское понимание человеческой свободы. При этом нельзя не признать, что именно категории постмодернистской философии, прежде всего Жана Бодрийера в его «Фатальных стратегиях»²⁷, наиболее адекватно описывают современное состояние западного общества.

В высшей степени плодотворной представляется мысль Александра Дугина о том, что многополярность - это «сухопутный постмодерн», постмодернистский по своей сути проект, который противостоит «однополярному моменту» и утверждает подход к миру на основе «геометрии природы»²⁸.

В своё время, в связи с очередной годовщиной Ф.Ницше, Фрэнсис Фукуяма писал, что западная философия так и не преодолела «отрицания равенства человеческого достоинства»²⁹ - утверждение, которое имеет прямое отношение к культурно-цивилизационной несовместимости западной цивилизации и западных элит. Позже, на волне обострения между Россией и Западом, на страница «Форин Аффэрс» (номер за май-июнь 2022 года) он писал о некоем «национал-либерализме», о том, что либерализм должен быть укоренен в каждой стране. Но как быть с нынешним кризисом либерализма там, где он родился, в самом западном обществе? И не получается ли тот самый интервенционизм и то самое унификаторство Запада в отношении всего остального мира, где он не возник естественным образом и не смог быть навязан извне, аналогом нацизма или неким «принуждением к демократии»?

---

²⁷ Бодрийер Ж. Фатальные стратегии. - Рипол-Классик, 2018 г. – 288с.

²⁸ Дугин А.Г., Геополитика. – М.: «Академический проект», 2015, с.520-524.

²⁹ Fukuyama F. Nietzsche: A Philosophy in Context. The New York Times, 7, 2010.

Даже сейчас, в связи с Украинским кризисом, западные столицы вспомнили о суверенитете именно «демократической Украины», в принципе отрицая это право за всеми странами, которые они не сертифицируют как демократические. И это при том, что еще совсем недавно с их стороны приоритет отдавался «безопасности личности» (human security) перед безопасностью государств. Именно в этом был смысл и логика Минских соглашений 2015 года, в отношении реализации которых, как выяснилось впоследствии, Берлин и Париж вели себя неискренне. Не постигнет ли этот изыск Фукуямы, столь чуждый ему, судьба идеи Шпенглера, особенно в его эссе «Пруссачество и социализм», о прусском социализме как истинном? Когда он столкнулся с практикой национал-социализма в Германии, то «отвернулся в тоске», порвал с Фондом Ницше и отказался сотрудничать с новой властью, желавшей поднять его на свой щит.

Культурно-цивилизационное самоопределение России

Прежде, чем приступать к проблематике БРИКС, нельзя не остановиться на качестве самой России как «самобытном государстве-цивилизации», получившем наконец официальное признание в Концепции внешней политики страны от 31 марта 2023 года и ставшем, можно предположить, результатом решительного политического разрыва с Западом, который всегда исходил из культурно-цивилизационной чуждости (инаковости) ему России. Это означает в том числе конец европо-/западноцентризма российской власти последних трех веков, независимо от ее конкретно-исторической идеологии, притом что идеология сама по себе, как категория мышления - это продукт западной цивилизации. Конец иллюзии, самообмана, в том числе советской власти. И это при том, что еще 150 лет назад Тютчев четко и емко определил геополитику отношений

Россия-Запад: «Самим фактом своего существования Россия отрицает будущее Запада»³⁰. Вся история наших отношений, включая последние 30 лет, указывает на то, что западные элиты с этим утверждением согласны и справедливо усматривают в существовании суверенной России экзистенциальную угрозу для себя, что объясняет и бездумное завышение ставок в Украинском кризисе, явно воспринимаемом в западных столицах как некий «последний и решительный бой», после которого им не останется ничего иного, как принять культурно-цивилизационную многополярность нового миропорядка. Многополярность, которая, нельзя не признать, утверждается сейчас в схватке на территории Украины.

Но тогда неизбежно возникает вопрос о русской культуре и ее европейском наследии. Как его трактовать теперь, когда, со всей очевидностью, мы не можем себя относить исключительно к европейской культуре? Когда там «отменяют» русскую культуру и культуру вообще? Не уходит ли сейчас на Западе культура из-под ног, в то время как у нас она остается? Не становится ли тогда Россия хранительницей европейской культуры, как это, собственно, было и в советскую эпоху? Как соотносить заключенные в нашей культуре смыслы со смыслами европейской культуры? К примеру, профессор Ю.Л.Слезкин стоит на почве тезиса о том, что «трудно представить нашу культуру без европейского ландшафта», что «над Россией - зонтик общей с Европой цивилизации. России легче сказать, что она защищает Европу от Европы, чем отказаться от своей связи с ней.»³¹. Он склоняется к тому, что цивилизация объединяется общим литературным канонем, которого у Запада больше нет. Теперь у каждого народа свой, и мы, надо полагать, не исключение. Нельзя не согласиться со следующим утверждением: «В СССР русский литературный канон без труда победил

---

³⁰ Тютчев Ф.И., Россия и Запад. - М.: Культурная революция; Республика, 2007, с.17.

³¹ Цитируется по лекции Ю.Л.Слезкина, прочитанной в Высшей школе экономики 29 мая 2023 года.

марксизм-ленинизм». Да, есть взаимовлияние, скажем, Пушкин как наш самый европейский писатель и американец Дж.Сэлинджер как самый русский.

В этом споре можно обратиться к Вирджинии Вулф, которая видела принципиальное отличие русской литературы от той же английской (а она - подлинно мировая наряду с русской) в том, что вся она о душе и ее терзаниях, в то время как английский читатель «не знает, с чем едят эту самую «душу». И далее: «...чеховский метод... теперь представляется преоригинальной творческой манерой, продиктованной большим вкусом, смелостью и безошибочным чутьем автора, сравниться с которым по искренности и честности подхода могут разве что сами русские... Вот откуда ощущение раздвигающегося горизонта, это ни с чем не сравнимое чувство свободы, обретаемое нами по ходу чтения коротких чеховских историй ни о чем»³².

Если брать применимые параллели, можно предположить, что в короткую Елизаветинскую эпоху англичане сняли сливки с трех веков континентального Возрождения и сразу создали в лице Шекспира мировую литературу (или западную?), минуя национальную. Язык Шекспира по своему богатству и интеграции в него слов из других европейских языков и их коннотаций (как, впрочем, и сюжеты и место действия шекспировских пьес) явно выходит за национальные рамки. Следует заметить, что твердолобая позиция британского официоза (что отдает нашим советским опытом) стоит на пути более полного понимания содержания и смысла произведений Шекспира, что было бы возможно, если относиться непредвзято к проблеме их авторства, включая различные варианты этой вполне удавшейся и, безусловно, величайшей в мире мистификации. Мы, в свою очередь, создали национальную литературу как мировую.

---

³² См. эссе «Русская точка зрения» в: Вулф В., Обыкновенный читатель. - М.: Наука, 2012. - 776 с.

Андре Мальро в своей речи в зале Плейель 5 марта 1948 года, говоря о «кризисе европейского сознания», предложил все же считать Россию Россией, а не Европой.³³ Там же он изложил весьма продуктивную мысль: «Средневековая цивилизация была прежде всего культурой души, цивилизация XVIII века - культурой ума. Эпоха за эпохой эти культуры, обращавшиеся к различным сторонам в человеке, последовательно наслаивались друг на друга; подлинное же их объединение происходит только в наследниках. Истинное наследование всегда связано с преображением». На его взгляд, на такое преображение тогда претендовали США, Советский Союз и Европа. Естественно, что он признавал такие права за Европой, которая прошла через все катастрофы XX века, но «все еще хранила высочайшие из всех, какие только есть в мире, ценности человеческого духа». Понятно, что идеологическая конфронтация и геополитические императивы Холодной войны вторгались и искажали дискурс европейской культуры. Но сейчас, с «отменой культуры» на Западе, есть все основания обратиться к идее наследования и преображения - именно она дает понимание того, кто мы по отношению к европейской культуре. Достоевский не разрешил этот вопрос - он им только задавался, даже в своей Пушкинской речи, предполагал за нами «синтез» всего лучшего, что произвела Европа.

Георгий Адамович писал примерно в то же время, что и Мальро: «То, что нехотя, хмуро, угрюмо Запад постепенно выпускает из рук, Россия должна бы когда-нибудь вернуть в преображенном виде, умудренная всем своим опытом, научившаяся многому такому, чего он и вообще никогда не знал»³⁴. Добавим сюда А.Герцена: «громадным явлением Пушкина Россия ответила на вызов Петровских реформ». Но также Бердяева: «Достоевский

---

³³ Цит. по: Мальро А., Завоеватели; Королевская дорога: Романы. - М.: Прогресс, 1992. - 336 с., где эта речь содержится в качестве Послесловия к роману «Завоеватели».

³⁴ Адамович Г.В., Одиночество и свобода, М., 1996, с.209.

и есть та величайшая ценность, которой оправдывает русский народ свое бытие в мире, то, на что может указать он на Страшном суде народов»³⁵.

Если обратиться к идее Шпенглера о псевдоморфности русской культуры³⁶. Для него, как и для Ф.И.Тютчева полувеком ранее, Европа - это «пустой звук», есть только романо-германская Европа, иначе Запад, и есть Россия. Просматривается закономерность в том, что Победа в Великой Отечественной войне, как бы подведя черту под всей предшествовавшей жертвенной историей России, стала величайшим духовным достоянием современной России. Российский исследователь С.А. Королев, рассматривая нашу историю через призму идеи О. Шпенглера о псевдоморфозе, отмечает, что все историческое бодрствование России было псевдоморфным, начиная с призвания варягов и Крещения Руси, а в годы Великой Отечественной войны, «примерно с 1943 года, русское и европейское находят вторую жизнь в псевдоимперском».

Автор цитирует В.Л. Цымбурского: «Эта псевдоморфоза, я охотно признаю, дала удивительные культурные достижения. Породила действительно «цветы необычайной красоты». Но при этом она характеризовалась постоянным напряжением между европейскими формами и неевропейскими смыслами... В России развивается геополитическая традиция, соотносящая ее судьбу с судьбой Европы, выстраивающая сюжеты, по которым Россия призвана играть определяющую роль в участи мира, сперва европейского, затем глобального объединенного мира, выстраиваемого и создаваемого Евро-Атлантикой»³⁷. С последним уже нельзя согласиться.

Заслуживает внимания знаменитая записка бывшего министра внутренних дел П. Дурново Николаю II, поданная в феврале 1914 года. Его прогноз о том, что война будет длительной и приведет к революции в России

---

³⁵ Бердяев Н.А., *Философия творчества, культуры и искусства*, т. 2., М., «Искусство», 1994, с. 150.

³⁶ *Закат Западного мира*, Т.2, Глава III, раздел I.

³⁷ Королев С.А. Псевдоморфоза как тип развития: случай России, *Философия и культура*. 2009 №6 с.72-85.

и Германии в случае их поражения, вполне оправдался, причем России он предсказывал именно социалистическую революцию. То есть и он, как бы от обратного, признавал, что перед Русской революцией стояла двойная задача: проведение эксперимента с социалистическими идеями и недопущение доминирования Германии на континенте. К этому можно было бы добавить вызревший прорыв в новое искусство в форме русского авангарда и кардинальное решение проблемы положения женщины в обществе, кстати, до сих пор недостижимого в большинстве стран Запада.

П. Дурново исходил из того, что Германия и Россия представляют «консервативное начало цивилизации» и поэтому должны быть вместе. Другое дело, что жребий относительно самой войны и участия в ней России к тому времени был брошен. А что касается прогерманского позиционирования России в европейской политике, то из анализа самого П. Дурново следует, что Россия не могла рассчитывать на равноправие с Германией, тем более если бы мы допустили ее доминирование в Западной Европе, то есть предоставили бы Францию ее судьбе. Это в корне противоречило бы всем постулатам геополитики и смыслу самой германской агрессии с ее идеей «жизненного пространства».

Другим ориентиром должно выступать сохранение способности к историческому творчеству. Стать частью Германской империи или войти в ее политическую орбиту означало бы отказ от того и другого, полный разрыв с тем выбором, который сделали и не раз подтверждали наши предки. Можно только отнести на счет неисповедимых путей истории тот факт, что атеистический Советский Союз стал формой сохранения нашей духовности и приверженности собственной роли в делах Европы и мира. Биполярность холодной войны означала продолжение доминирования европейской цивилизации в мировых делах, поскольку идеология каждой из сторон основывалась на различных продуктах европейской политической

мысли. Собственно, поэтому были неслучайными конвергенционные моменты в межвоенный период и после войны.

В вопросе о судьбах и исторической миссии России нам приходится возвращаться к евразийцам. Еще в 1921 году Н.С.Трубецкой писал о неизбежности неокOLONиального статуса Советской России. Ведь, как ни судить, но существование СССР в западной системе координат, включая валютную ущербность, характер торговли и ее условия, что в конечном счете обрекло Союз на распад, квалифицировать иначе не получается. Так ли все плохо? В статье «Русская проблема» он писал: «В туманной дали как будто открываются перспективы грядущего освобождения угнетенного человечества от ига романо-германских хищников. Чувствуется, что романо-германский мир стареет... При таких условиях вступление в среду колониальных стран новой колониальной страны, огромной России, привыкшей существовать самостоятельно и смотреть на романо-германские государства как на величины, более или менее, ей равные, может явиться решительным толчком в деле эмансипации колониального мира от романо-германского гнета. Россия может сразу стать во главе этого всемирного движения. И надо признать, что большевики... в то же время подготовили Россию и к ее новой исторической роли...»³⁸.

И далее в русле вполне признанного в Советском Союзе (и, добавим, Бжезинским) Пробуждения Азии Революцией 1917 года: «Отныне интересы России неразрывно связаны с интересами Турции, Персии, Афганистана, Индии, быть может Китая и других стран Азии. «Азиатская ориентация» становится единственно возможной для всякого русского националиста». Роль Советского Союза в процессе деколонизации доказала верность этого посыла. Как бы то ни было, Россия, пусть и не сразу, пришла к неизбежному осознанию себя частью незападного мирового большинства. Такое

---

³⁸ Трубецкой Н.С. Евразийство. Избранное. Монография. – М.: ИНФРА-М, 2023 с. 218-219.

позиционирование верно и от обратного: стать частью Запада на его условиях означало бы соучаствовать в неокOLONIALном ограблении всего остального мира, уже не говоря о том, что Россия продолжала бы оставаться в статусе колониальной страны, несмотря на всю свою военно-политическую мощь - ведь и у СССР был паритет в области ядерного сдерживания, паритет, который прикрывал крайне неблагоприятный для страны статус-кво. Речь, действительно, об эмансипации всех: без всеобщей эмансипации не будет освобождения России и без освобождения России не будет этого всеобщего освобождения.

Украинский кризис: катализатор пробуждения России

Не желая того и давая сработать принципу «нежелаемых последствий» (unintended consequences), США, спровоцировав Украинский кризис с радикальным переформатированием Украины, балансирующей на грани несостоявшегося государства, помогли этой стране обрести, наконец, некий внятный смысл своего независимого существования в русле негативной части ее исторического наследия. Украина не могла похвастаться демократией и отсутствием коррупции, которые могли бы искушать российский электорат и, тем самым, способствовать аналогичной вестернизации России. Поэтому выбор был сделан в пользу создания России угрозы на уровне идентичности и истории - вызова, который бы подрывал нарратив Победы над нацистской Германией как нравственно-духовное основание современной России. Было только естественным, что в эпоху пробуждения цивилизационного самосознания повсюду в мире проблему исторической России исторический Запад вознамерился решить на поле культуры и истории. Одновременно, как показало развитие событий, создавались условия для реабилитации задним числом нацизма как специфического продукта западной цивилизации.

Удар наносился по идее Русского мира, под которым на Западе, как это определил Хантингтон, понимали славянство и Православие. Было легко предположить, что Россия не может не ответить на этот экзистенциальный вызов, обремененный перспективой вступления Украины в НАТО и созданием на российской границе вполне очевидной военно-политической угрозы, равно как и отказом Киева при поддержке Запада реализовать Минские соглашения, которые шли в русле общепризнанных, включая европейские, норм урегулирования внутренних гражданских конфликтов. Вопреки западной же концепции «безопасности личности» (human security), которая отдавала приоритет правам человека и правам меньшинств перед правами государств, включая их суверенитет и территориальную целостность, Киев после госпереворота от февраля 2014 года взял курс на унитарное и этноцентричное государство, апеллируя к агрессивному национализму, который скомпрометировал себя сотрудничеством с нацистской Германией, включая преступления против человечности.

Наравне с давлением на каноническую Украинскую православную церковь в составе РПЦ, проводилась политика насильственной украинизации в стране, большая часть населения которой была либо представлена этническими русскими, оказавшимися в составе Украины, сконструированной в нынешних границах советской властью и ее идеологическими императивами, либо говорила на русском и была двуязычной. Таким образом, вопрос языка стал фундаментальным для будущего Украины, которая, как это становилось неизбежным, не могла без возведенного в систему и узаконенного насилия продолжать свое существование в советских границах с разрушением основ советского общежития с его толерантностью и инклюзивностью. Украинизация и подавление русского языка сопровождалась переписыванием исторического нарратива (с созданием официальной пропагандой

примитивной национальной мифологии на основе сельской культуры, причем с явным расистским уклоном по аналогии с нацизмом) и отказом от всего свода богатейшей русской культуры в пользу украинской, не сопоставимой с ней по развитию в последние три века и созданными за этот исторический период духовным ценностям, прежде всего в литературе, включая гений Николая Гоголя. Под аккомпанемент агрессивной антирусской пропаганды, которая отсылала к печальному опыту Европы межвоенного периода и смыкалась с кампанией Запада по «отмене» русской культуры, шло обеднение и опрощение культуры в ее самом широком смысле - вполне в духе того, что происходило при нацистском режиме в Германии.

Проблема украинизации была исследована евразийцами еще сто лет назад. Можно только удивляться тому, с какой точностью к деталям эта политика была описана, в частности, Н.С.Трубецким в его статье «К украинской проблеме» от 1927 года³⁹. Трубецкой как лингвист дает убедительное описание того, как складывалась русская культура на основе общерусского языка, возникшего в XVII веке в том числе в рамках церковной реформы. Важнейшим фактором этого генезиса стало влияние западно-русской (по отношению к региональной московской) традиции: «Таким образом, мы видим, что во всех своих отраслях послепетровская литература является прямым продолжением западно-русской, украинской традиции... На рубеже XVII и XVIII веков произошла украинизация великорусской духовной культуры. Различие между западно-русской и московской редакциями русской культуры было упразднено путём искоренения московской редакции, и русская культура стала едина». И далее: «Нельзя отрицать и того совершенно очевидного факта, что не только в создании, но и в развитии этой общерусской культуры наряду с

---

³⁹ Трубецкой Н.С. Евразийство. Избранное. Монография. – М.: ИНФРА-М, 2023. - 358 с. - (Евразийский путь).

великороссами принимали активное участие и украинцы, при том, именно как таковые; не отбрасывая своей принадлежности к украинскому племени, а наоборот, утверждая эту свою принадлежность: нельзя выкинуть из русской литературы Гоголя, из русской историографии - Костомарова, из русской филологии - Потебни и т.д. Словом, что русская культура послепетровского периода является общерусской, и что для украинцев она не чужая, а своя - этого отрицать невозможно». Он проводит мысль о том, что «каждая культура должна иметь две стороны: одну - обращенную к конкретному этнографическому народному фундаменту, другую - обращенную к вершинам духовной и умственной жизни». И этот «верхний этаж» общерусской культуры... развит был настолько, что вполне удовлетворял духовные потребности русской интеллигенции».

Что означал бы вариант «замены общерусской культуры на территории Украины новосозданной специально украинской культурой»? «Ограничение этого поля (общерусской культуры) может быть желательно только с одной стороны для бездарных или посредственных творцов, желающих сохранить себя против конкуренции (настоящий талант конкуренции не боится), а с другой стороны - для узких и фанатичных крайних шовинистов... Такие люди и будут главным образом опираться против общерусской культуры и за вполне самостоятельную украинскую культуру. Они сделаются главными адептами и руководителями этой новой культуры и наложат на нее свою печать - печать мелкого провинциального тщеславия, торжествующей посредственности, трафаретности и, сверх того, дух постоянной подозрительности, вечного страха перед конкуренцией. Эти же люди, конечно, постараются всячески стеснить или вовсе упразднить самую возможность свободного выбора между общерусской и самостоятельно-украинской культурой. Но и этого окажется недостаточно: придется еще внушить всему населению Украины острую и пламенную ненависть ко всему русскому и постоянно поддерживать эту ненависть

всеми средствами школы, печати, литературы, искусства, хотя бы ценой лжи, клеветы, отказа от собственного исторического прошлого и попраiania собственных национальных святынь... Однако, нетрудно понять, что украинская культура, создаваемая в только что описанной обстановке, будет из рук вон плоха. Она окажется не самоцелью, а лишь орудием политики, при том, плохой, злобно-шовинистической и задорно-крикливой политики».

Трубецкой не застал Второй мировой и потому не мог знать, что на опыт украинизации Германия вторично (после преследований православных русинов в Австро-Венгрии и их геноцида в Первую мировую, а также Брестского мира) наложит свой отпечаток, передав новому поколению украинских националистов в лице ОУН-УПА эстафету откровенного и вполне европейского по своему генезису фашизма с его агрессивным национализмом и биополитивой в форме геноцида. Что же касается его филологических выводов, то они подтверждаются повсюду в Европе, начиная с модернизации и облагораживания французского языка при Франциске I и затем английского при Елизавете I. Причем и там, и там оставалось множество региональных и этнических наречий. Русский был в этом тренде и, хотя и запоздал на старте, впитал в себя все лучшее из цветущей и тогда отцветавшей (по Шпенглеру) европейской культуры. Нельзя не отметить, что судьбы языка и основанной на нем культуры имели внятные геополитические последствия для миссии соответствующих стран в истории, и тут Россия тоже не составляет исключения.

Мировое большинство и реформа системы мироустройства

Перспектива формирования нового международного порядка, который не был бы основан на доминировании Запада, зависит не только от исхода нынешнего обострения в отношениях Запада с Россией, но и от

коллективной позиции государств Азии, Африки и Латинской Америки - Мирового большинства или Глобального Юга. Совокупный потенциал этих регионов суммарно ощутимо возрос. Впервые в истории перед ними открываются возможности выступить в качестве полноценных «центров» мировой политики, серьезно влияющих на формирование международной повестки дня, включая вопросы безопасности.

Происходящие изменения в соотношении сил на мировой арене в пользу Мирового большинства, частью которого Россия наряду с Китаем себя позиционирует, подтверждают справедливость российской концепции многополярности как движения в сторону разрушения экономической, силовой и технологической гегемонии Запада, превратившейся для него в способ существования. В этом плане интересы государств Мирового большинства в целом созвучны российским в поиске нового, более справедливого международного порядка. Они означают и провал попыток Запада добиться изоляции России на международной арене, возможность сохранения и укрепления связей с ведущими развивающимися мировыми экономиками, создание новых партнерств в условиях острого конфликта с Западом.

Сама идея продвижения принципов качественно нового, более справедливого мироустройства, отражающего и выражающего культурно-цивилизационное многообразие современного мира, давно присутствует в политике государств Мирового большинства. Масштабным выражением таких политических устремлений к переформатированию мировой системы исторически явилось Движение неприсоединения, которое изначально было образовано странами, которые ныне и составляют Мировое большинство. Оно ставило своей целью создать широкую международную платформу, объединяющую страны по принципу неучастия в военно-политических блоках. Это позволило сформировать в рамках ООН своего рода союз неприсоединившихся стран (Группа 77 в составе 134 государств),

продвигающий политические проекты, альтернативные западным мировоззренческим постулатам. Другим примером может служить и идея Нового международного экономического порядка (НМЭП), активно поддержанная странами Азии, Африки и Латинской Америки. Под мощным коллективным давлением бывших колониальных и зависимых стран, составляющих большинство в ООН, Генеральная Ассамблея ООН приняла Декларацию об установлении НМЭП. В качестве основной стратегической задачи провозглашались устранение неравенства в мировой экономике и преодоление увеличивавшегося разрыва между развитыми и развивающимися странами.

Фактическое торпедирование Западом планов по перестройке международных отношений, отвечающих интересам стран Азии, Африки и Латинской Америки, указывало на ограниченный ресурс такого противодействия этих стран западному доминированию. В итоге эти проекты потеряли изначальную политическую инерцию и не принесли ожидаемых результатов. Сказалось и состояние России после распада СССР, наши иллюзии в отношении «встраивания» в Запад, что вкупе с общим ослаблением страны не позволяло оказать должное содействие странам Азии, Африки и Латинской Америки.

Процесс неолиберальной глобализации, запущенный Западом на рубеже 1980–90-х гг. и на три десятилетия определивший магистральное направление мирового развития, способствовал изменению соотношения сил в мире в пользу коллективного Юга. Для государств Азии, Африки и Латинской Америки глобализация превратилась в мощный фактор как внутренних структурных преобразований (хотя и зачастую противоречивых), так и перезагрузки сложившейся в постколониальный период системы внешнеэкономических связей. Наиболее динамично развивались государства Восточной и Юго-Восточной Азии во главе с Китаем, который удачно адаптировал схему западной глобализации под

требования собственного социально-политического и экономического развития, отражающего особенности их культурно-цивилизационной идентичности, укорененной в истории. Центр притяжения мировой экономики и торговли в сравнительно сжатые сроки переместился в Азию.

Не имеющий исторических аналогов долговременный форсированный экономический рост Китая, особенно на фоне вялой динамики в США, Европейском союзе и Японии, заставляет переосмысливать ключевые неолиберальные и макроэкономические догмы Запада. Отсюда и тот новый импульс, который получают в странах Мирового большинства настроения в пользу реформирования системы международных отношений на альтернативной основе. Мировое большинство, опираясь на имеющийся у него колоссальный потенциал, могло бы стать драйвером процесса формирования более стабильного, безопасного и справедливого мира. Историческая миссия, с которой в конечном счете не справился коллективный Запад, переходит к Мировому большинству.

Вместе с тем, на нынешнем этапе страны Мирового большинства не имеют сколь-нибудь целостной и оригинальной политической платформы, формирующей их совместное видение новой международной системы и путей перехода к ней. Задача перехода к мироустройству нового типа на основе многополярности прямо формулируется или фактически признается только ограниченным числом ведущих стран Мирового большинства. Вместе с тем понятие многополярности как таковое присутствует в концептуальных наработках большинства стран, даже и вне прямой увязки с темой будущего мироустройства.

Практически повсеместно признается, что ключевое значение для будущего мироустройства имеет тема глобального управления, т.е. определения международных площадок, на которых должно строиться международное сотрудничество. Констатируется, что ныне существующая

система глобального управления нуждается в реформировании или корректировке. Основной акцент при этом делается на необходимости реформирования ООН с упором на обеспечение представительного характера Совета Безопасности, Бреттон-Вудские институты (МВФ и ВБ), а также ВОЗ и ВТО. Критике подвергаются их неэффективность, а также недостаточная представленность в них развивающихся стран, что не позволяет обеспечить равноправие интересов всех членов международного сообщества.

Взгляды на проблематику международной безопасности сводятся к подтверждению приверженности соответствующим базовым принципам Устава ООН, поддержке международно-правовых норм, призванных предупредить военные конфликты и кризисы – это уважение национального суверенитета, нерушимости границ, невмешательство во внутренние дела, недопустимость агрессии или угрозы миру, мирное урегулирование споров и конфликтов, связанное с этим миротворчество. Приветствуется сохранение системы контроля над вооружениями. Как правило, констатируется также необходимость международного сотрудничества в целях предотвращения конфликтов и кризисов, предупреждения терроризма и экстремизма.

Видение перспектив структуры мировой экономики, международной торговли и финансовой системы в основном воспроизводит отголоски прежних идей, обсуждавшихся на площадке ООН в контексте НМЭП, хотя и с поправкой на современный уровень развития технологий и электронной информатики. Не подвергается сомнению, что принципиально важна перспектива дальнейшей экономической глобализации. Однако признается, что она должна выстраиваться на иных принципах, способствуя, прежде всего, построению открытой мировой экономики, справедливой, честной, недискриминационной экономической среды и должна стимулировать двустороннее, региональное и многостороннее сотрудничество.

Практически повсеместно ставится вопрос о необходимости для промышленно развитых стран увеличить финансирование Глобального Юга по линии программ международного содействия развитию. Доминирует и призыв в пользу обеспечения полного национального контроля над природными ресурсами. В контексте требований о реформе Бреттон-Вудских институтов продвигается тема неоправданности роли доллара США в качестве основной резервной валюты, невыгодности для развивающихся стран существующей системы международных платежей и валютно-финансовых трансферов.

Страны Мирового большинства вне зависимости от их внешнеполитической ориентации декларируют принципиальную неприемлемость односторонних ограничительных мер в мировой торговле. Остро обозначается и вопрос обеспечения технологического прогресса в странах Мирового большинства, с формулированием требования об обеспечении равноправного, свободного и взаимовыгодного обмена технологическими достижениями по линии Север-Юг. Во главу угла международного экономического и социального развития также ставится тема должной реализации Целей устойчивого развития ООН. Показателен в этом плане и акцент, который делают некоторые государства на задаче достижения целей международной климатической повестки.

Для подходов элит значительной части государств Мирового большинства к перспективам нового мирового порядка характерно и то, что они рассматриваются через призму прямо или опосредованно выражаемых амбиций на повышение собственного коллективного или национального веса в мировых делах. Возросшая в последнее время миротворческая активность со стороны Мирового большинства, в том числе инициативы по нормализации отношений между Ираном и Саудовской Аравией, а также мирный план по Украинскому кризису, укладывается в русло этих амбиций. Всемерно акцентируется и намерение играть конструктивную роль в защите

мира в глобальном и региональном форматах, активно участвовать в разработке правил в области глобальной безопасности, усиливать международное сотрудничество в сфере безопасности, активно участвовать в миротворческой деятельности по линии ООН. Отличительная особенность подходов стран Мирового большинства к видению нового мирового порядка состоит и в том, что они охватывают и проблему действенности международного права. Практически все концептуальные материалы государств Мирового большинства констатируют необходимость соблюдения общепризнанных международно-правовых норм, прежде всего закрепленных в Уставе ООН.

Традиционные ценности выступают как одно из главных средств, используемых государствами для противодействия навязываемым Западом ценностных стандартов, для укрепления национальной идентичности в международных отношениях.

Во многом показательна позиция Индии, которая, в частности, нашла отражение в Делийской декларации по итогам заседания Совета глав государств ШОС (июль 2023 г.), где содержится положение о том, что «мир переживает беспрецедентные трансформационные перемены и вступает в новую эпоху стремительного технологического развития, что требует повышения эффективности глобальных институтов. Эти фундаментальные процессы сопровождаются укреплением многополярности».

Данная позиция прослеживается как сквозная, закрепляется во всех многосторонних и двусторонних встречах и форумах с индийским участием. Важно в данном контексте, что мысль о необходимости переустройства системы международных отношений индийский лидер Н.Моди высказал в ходе визита в США в июне того же года в выступлении в Конгрессе США, в частности, подчеркнув: «глобальные институты, зародившиеся в XX-м веке, похоже, неспособны справиться с новыми вызовами или взять на себя новые обязанности».

В качестве важного критерия развития новой системы международных отношений Индия видит повышение роли и влияния стран Глобального Юга, обеспечения их включенности в процессы формирования правил международного взаимодействия, а также доступа к критическим ресурсам, в т.ч. финансовым и технологическим. При этом индийская сторона делает акцент на необходимости усиления представленности развивающихся стран в ключевых международных структурах, в т.ч. настаивала на включение Африканского союза в качестве равноправного участника в Группу двадцати.

В этом контексте весьма показательными являются высказывания индийского премьер-министра, в частности, о критерии «нравственности» в проведении стратегической политики и «...росте понимания необходимости отказа от ВВП-центрического взгляда на мир в пользу взгляда, ориентированного на человека».

Таким образом, формирующиеся в странах Мирового большинства концептуальные воззрения относительно реформирования существующей системы мироустройства и межгосударственных отношений имеют очевидный идейный крен в сторону отрицания претензий США, «англосферы» мира и коллективного Запада в целом на сохранение своего доминирования в мировой политике и экономике. Этот процесс концептуального переосмысления картины современного мира основан на объективном изменении глобального соотношения сил в пользу Мирового большинства по целому ряду базовых параметров. Он не просто созвучен, но по своей сути совпадает с внешнеполитическими подходами Российской Федерации и отвечает ее интересам.

В этой связи стратегический поворот Российской Федерации в сторону развития сотрудничества со странами Мирового большинства укрепляет основу для совместного и концептуально осмысленного движения в сторону формирования более справедливой системы

мироустройства, основанной на межгосударственном равенстве, стабильности, взаимовыгодном взаимодействии и международном праве. Это одновременно открывает для России возможности для противодействия линии коллективного Запада, стремящегося сохранить Мировое большинство в орбите неоколониальной зависимости.

БРИКС – назревшая необходимость

Первая встреча БРИК состоялась 20 сентября 2006 г. «на полях» 61-й сессии Генеральной ассамблеи ООН в Нью-Йорке. В ней приняли участие министры иностранных дел России, Бразилии, Китая и министр обороны Индии, которые договорились развивать многоплановое сотрудничество четырех стран. 16 мая 2008 г. в Екатеринбурге состоялась первая полноформатная встреча глав внешнеполитических ведомств государств БРИКС. По ее итогам было принято совместное коммюнике, отразившее общие позиции сторон по актуальным вопросам мирового развития. Принципиально важный шаг в становлении объединения был сделан 9 июля 2008 г., когда «на полях» саммита «Группы восьми» в г.Тояко (Япония) по инициативе российской стороны состоялась отдельная встреча лидеров Бразилии, России, Индии и Китая. Первый саммит БРИК прошел 16 июня 2009 г. в Екатеринбурге. В итоговом Совместном заявлении было зафиксировано стремление стран объединения развивать «последовательный, активный, прагматичный, открытый и транспарентный диалог и сотрудничество», не только для достижения «общих интересов развивающихся стран и государств с формирующимися рынками, но и строительства гармоничного мира, в котором были бы обеспечены прочный мир и общее процветание».

С присоединением Южно-Африканской Республики (первый саммит с участием ЮАР состоялся 14 апреля 2011 г. в г.Санья, КНР) в качестве

названия объединения утвердилась аббревиатура «БРИКС». С течением времени БРИКС превратился в многопрофильное стратегическое партнерство, которое базируется на трех ключевых «столпах» - политика и безопасность, экономика и финансы, культура и гуманитарные связи. Отношения между партнерами по БРИКС строятся на основе равноправия и взаимного уважения, а также принципов открытости, прагматизма, солидарности, ненаправленности против кого бы то ни было. Сегодня на долю БРИКС приходится более трети мирового ВВП и 45% населения планеты. Входящие в БРИКС государства являются влиятельными участниками ООН, а также региональных объединений (СНГ, ОДКБ, ЕАЭС, ШОС, АТЭС, ЛАГ, ССАГПЗ, ОИС, МЕРКОСУР, Афросоюз, САДК и др.). Расширенный БРИКС весомо представлен в таких механизмах, как Группа двадцати, ВТО, Движение неприсоединения, «Группа 77». Председательство в БРИКС осуществляется государством-участником в течение календарного года на ротационной основе. Все решения принимаются консенсусом. Ежегодно проходит порядка 200 встреч, из которых 20 - министерского уровня. Развивается взаимодействие по линии парламентов, администраций городов, бизнеса, академических и научных кругов, гражданского общества, включая женские и молодежные организации. В целях координации текущей работы объединения функционирует институт национальных шерп/су-шерп.

Одно из приоритетных направлений в деятельности БРИКС - содействие формированию демократического многополярного мира, укреплению глобальной безопасности и стабильности. Теперь уже «десятка» неизменно выступает за соблюдение принципов международного права при центральной роли ООН, отказ от односторонних мер принуждения. Важным результатом взаимодействия стран БРИКС стал запуск работы Нового банка развития (НБР) со штаб-квартирой в Шанхае и Пула условных валютных резервов БРИКС с совокупным объёмом средств

в размере 200 млрд долл. США. По состоянию на конец 2023 г. по линии НБР было одобрено более 90 проектов на общую сумму 32,3 млрд долл. США. Своевременно реагируя на нужды стран БРИКС в условиях кризиса, Банк запустил в марте 2020 г. программу содействия по борьбе с пандемией COVID-19 и преодолению ее социально-экономических последствий общим объемом 10 млрд долл. США. В 2018 г. состоялось открытие Африканского регионального центра НБР в ЮАР, затем аналогичные структуры были учреждены в Бразилии, России и Индии.

В соответствии с решением лидеров стран БРИКС НБР приступил к расширению состава акционеров. В 2021 г. новыми членами Банка официально стали Бангладеш и ОАЭ, в 2023 г. - Египет.

В 2023 г. функции председателя в БРИКС осуществляла ЮАР под девизом: «БРИКС и Африка: партнерство в интересах совместного ускоренного роста, устойчивого развития и инклюзивной многосторонности». В качестве приоритетов южноафриканского председательства были обозначены укрепление многосторонности, реформирование институтов глобального управления, экономическое восстановление в постпандемийный период и обеспечение устойчивого развития, том числе путем раскрытия потенциала Африканской континентальной зоны свободной торговли, углубление сотрудничества в целях равного и справедливого энергоперехода и борьбы с изменением климата, а также трансформация образования и повышение конструктивного участия женщин в процессах мирного урегулирования конфликтов.

Важной вехой в развитии БРИКС стал XV саммит в Йоханнесбурге в августе 2023 г. На встрече заложены основы для будущих дискуссий по финансово-экономическим вопросам, включая наращивание расчетов в национальных валютах. В итоговой декларации зафиксировано поручение министерствам финансов и центробанкам стран БРИКС изучить эту тему и

представить доклад к следующему саммиту объединения. Принято решение о расширении состава БРИКС с 1 января 2024 г.: новыми членами объединения стали Египет, Иран, ОАЭ, Саудовская Аравия и Эфиопия. Положено начало разработке модальностей новой категории - «государств-партнеров» объединения (притом, что около 30 стран в той или иной форме выразили намерение взаимодействовать с БРИКС).

Большое значение в контексте формирования устойчивых связей БРИКС с государствами Глобального Юга имели расширенные заседания в формате «аутрич»/«БРИКС плюс», прошедшие как в рамках саммита объединения (с участием более 60 приглашенных стран), так и совещаний Высоких представителей, курирующих вопросы безопасности, и министров иностранных дел стран.

Среди ключевых достижений взаимодействия по южноафриканской повестке дня - одобрение рамочного соглашения о сотрудничестве стран БРИКС по вопросам микро-, малого и среднего предпринимательства, создание Молодежного совета объединения, Рабочей группы по спорту, расширение Сетевого университета, запуск совместной работы в сфере ядерной медицины посредством создания профильной рабочей группы.

С 1 января 2024 г. функции председателя в БРИКС перешли к России (саммит состоится в Казани в октябре). Его девиз: «Укрепление многосторонности для справедливого глобального развития и безопасности».

В числе приоритетов российского председательства в 2024 г. - наращивание внешнеполитической координации в формате БРИКС, в том числе на ключевых международных площадках. Должное внимание будет уделено развитию потенциала контртеррористического сотрудничества на основе Антитеррористической стратегии БРИКС 2020 года. Россия нацелена на развитие практического антинаркотического сотрудничества, борьбу с коррупцией в соответствии с инициативой БРИКС по ликвидации

«безопасных гаваней», институционализацию формируемого Совета БРИКС по противодействию отмыванию денег и финансированию терроризма, поиск общих ответов на вызовы и угрозы в информационном пространстве. Приоритетным вопросом является дальнейшая реализация Соглашения о сотрудничестве в области спутниковой группировки дистанционного зондирования Земли стран БРИКС.

В рамках экономического и финансового блока предстоит большая работа по комплексной реализации Стратегии экономического партнерства БРИКС до 2025 г. Планируется продвигать инициативы по таким актуальным темам, как безопасность глобальных логистических цепочек, электронная торговля, искусственный интеллект, организация «стартапов», климат в контексте устойчивого развития, способствовать дальнейшему укреплению диалога между налоговыми, таможенными, антимонопольными органами.

Важным направлением будет деятельность по повышению роли государств БРИКС в международной валютно-финансовой системе, развитию межбанковской кооперации, содействию трансформации системы международных расчетов. Одним из приоритетов российского председательства будет наращивание расчетов в национальных валютах, укрепление корреспондентских банковских сетей для обеспечения международных транзакций. Продолжится работа по развитию механизма Пула условных валютных резервов.

Особый акцент будет сделан на углублении диалога по вопросам справедливого развития, обеспечению продовольственной и энергетической безопасности, развитию Платформы энергетических исследований.

На гуманитарном треке упор будет сделан на наращивании взаимодействия в области науки и инноваций, в частности, исполнении Плана действий по инновационному сотрудничеству на 2021-2024 гг., использовании потенциала Сети центров БРИКС в сфере трансфера

технологий, а также повышении кооперации научных парков и бизнес-инкубаторов. В рамках инициативы «Инновационная сеть iBRICS» планируется уделить внимание расширению контактов между академическими и научными центрами, исследовательскими и высшими учебными заведениями десяти стран, укреплению потенциала Сетевого университета БРИКС, вопросам взаимного признания академических квалификаций, совершенствования работы международных систем рейтингов вузов. Будут проведены Форум молодых ученых и Конкурс молодых инноваторов стран БРИКС.

В сфере здравоохранения продолжится работа по продвижению российских инициатив по запуску Комплексной системы раннего предупреждения рисков возникновения массовых инфекционных заболеваний, Медицинской ассоциации и медицинского журнала. Особое внимание будет уделено функционированию Рабочей группы по ядерной медицине.

Планируется содействовать дальнейшей интенсификации диалога в области культуры, молодежных обменов, спорта. В официальный календарь председательства Российской Федерации в БРИКС внесены традиционные мероприятия, включая фестивали культуры и кино БРИКС, Академический и Гражданский форумы. Запланированы Молодежный форум и Молодежный лагерь, а также форум молодых дипломатов. В рамках спортивного сотрудничества в июне будут организованы Игры БРИКС, в программу которых будут включены 29 видов спорта, включая как традиционные виды состязаний, так и новые фиджитал-дисциплины.

Особое внимание будет уделено развитию межпарламентского взаимодействия в рамках Парламентского форума БРИКС, а также встречи председателей комитетов по международным делам парламентов стран объединения.

Важной составляющей гуманитарной «корзины» является сотрудничество по линии городов и муниципальных образований. На этом направлении предусмотрены зарекомендовавший себя Международный муниципальный форум стран «БРИКС плюс», а также традиционный Форум породненных городов и муниципальных образований.

Все больше государств Мирового большинства настроены подключиться к БРИКС как действенному инструменту по продвижению равноправной и справедливой многополярности и интересов Глобального Юга для совместного эффективного развития и поиска коллективных решений наиболее острых проблем современности. В ответ на этот запрос в соответствии с решением Йоханнесбургского саммита еще одним ключевым направлением усилий российского председательства станет доработка модальностей новой категории «государств-партнеров» БРИКС и формирование списка кандидатов в нее, которые предстоит утвердить на встрече лидеров в этом году.

Миропорядок по БРИКС

С БРИКС и ростом самосознания Мирового большинства все встаёт на свои места и становится ясно, что многополярность будет отражением и выражением культурно-цивилизационного многообразия мира. Собственно, все проблемы мировой политики и мирового развития, которое завело в тупик западное доминирование, можно свести к несовместимости Западной цивилизации с другими культурами и цивилизациями. Вся история - не только наше время! - показывает, что Запад может вести дела с другими только посредством подавления и диктата, насилия и контроля, на своих условиях и с позиции силы, что в корне противоречит базовым принципам Устава ООН, международному праву в целом, которое, кстати, сложилось не без участия самих западных стран, с учетом их собственного

трагического опыта, включая Религиозные войны в Европе. Поэтому не удивляет претензия западных столиц на роль хранителя некоего «порядка, основанного на правилах», который на деле обнуляет весь послевоенный международный правопорядок с центральной ролью ООН и подменяет его произволом Запада.

Посредством Украинского кризиса, который вынудил Россию начать СВО, предполагалось раз и навсегда решить Русский вопрос, когда на протяжении восьми веков, начиная с первой половины XIII века, Запад видел себе угрозу в самом факте независимого существования цивилизационно чуждой ему России. То есть это цивилизационная война против России.

Запад вступил в этап собственной кардинальной трансформации, по своему значению аналогичной тому, что началось в СССР с Перестройки. Вопрос в том, можно ли и как управлять этим эндшпилем «заката Западного мира», предсказанного Шпенглером, поскольку в этом состоянии Запад особенно опасен - достаточно указать на Украинский кризис, его политику «двойного сдерживания» (России и Китая), стремление быстро вывести нас из игры, дабы избежать «войны на два фронта», что дважды обернулось катастрофой для Германской империи.

Нельзя забывать, что не только вовне западные элиты не смогли сделать свою глобальную архитектуру инклюзивной, скажем, хотя бы кооптировав в нее Москву и Пекин, к чему призывали дальновидные политологи, но и внутри собственного общества они были не склонны делиться. Так, чтобы создать социально ориентированную экономику им понадобились две мировые войны, опыт межвоенного периода с его агрессивным национализмом, антисемитизмом и фашизмом, а главное - идеологический «вызов Советского Союза». Пока не просматривается их стремление найти пути мирной, позитивной трансформации западного общества в ответ то, что называют «подъемом всего остального мира».

О том, что радикальные перемены неизбежны, как они были неизбежны у нас, уже говорили два взаимосвязанных события - Брекзит и президентство Д.Трампа. Рано или поздно западным элитам придется заниматься делами собственных стран и перестать существовать за счет всего остального мира. Впервые такая возможность появилась с окончанием Холодной войны, но она была бездарно и бездумно упущена на волне эйфории «победы» в этой войне. Об этом в 2017 году написал книгу старший экономист крупного английского банка «Эйч-Эс-Би-Си» Стивен Кинг. Он дал ей название по аналогии с антиутопией О.Хаксли - «Новый суровый (grave вместо brave у Хаксли) мир. Конец глобализации и возвращение истории».

Де-факто складывается новая переходная биполярность Запад-Мировое большинство. Генри Киссинджер в своем «Лидерстве» с горечью указывал на то, что внешнеполитический кризис Вашингтона восходит к тому, что его новация с многополярностью во времена Р.Никсона, когда она была им впервые разыграна в «треугольном» формате США-СССР-КНР (с признанием Китая, который занял свое законное место в СБ ООН), не стала для США «надежной школой дипломатии», что потребовало бы перемен не только на уровне стратегии, но менталитета. То есть сама идея многополярности не была искусственным изобретением российской дипломатии, чтобы отстоять свою внешнеполитическую самостоятельность, а отражала суть происходящего в мире, что видели в Москве и не хотели видеть на Западе, где предпочитали жить по-старому. Тем временем предстоит этап регионализации глобальной политики в рамках и в соответствии с геополитическими императивами указанной биполярности. Выражением последней является противостояние западной «семерки» и расширяющегося формата БРИКС в рамках Группы двадцати. Надо посмотреть, чем закончится эксперимент с анархо-капитализмом в Аргентине и попыткой Запада перетянуть Буэнос-Айрес на свою сторону.

Еще неизвестно, что будет с США и с Западом в целом. Вряд ли им будет до гегемонии. И им придется развиваться в условиях, когда они уже не смогут решать свои проблемы за чужой счёт, к чему они привыкли на протяжении веков.

Самоизоляция Запада от всего остального мира еще более усугубилась в связи с операцией Израиля в секторе Газа. Дальнейшей кристаллизации подверглась новая биполярность, ставшая, возможно, наиболее серьезной внешнеполитической катастрофой США и ведомого ими Запада. Этот раскол международного сообщества будет служить решающим фактором в том, что касается дальнейшей эволюции ООН, приведения Организации в соответствие с духом времени. В последние десятилетия Запад злоупотреблял своим влиянием в ООН, продолжал методами давления добиваться нужных себе решений. Если не удавалось в Совете Безопасности, то на Генассамблее, в других органах Организации. Злоупотреблял он и доброй волей России - достаточно вспомнить резолюции СБ по Ливии и свободе судоходства в Красном море.

Сейчас, когда все стало предельно ясно, ситуация иная. Главное - это реформа Совета Безопасности, расширение его членского состава, дабы сделать его по-настоящему представительным, причем не только в плане географическом, но прежде всего в культурно-цивилизационном отношении. Сейчас Запад перепредставлен в категории постоянных членов: три места из пяти, тогда как два остальных у России и Китая. Если брать «семерку», то получается три места на семь ее участников. Россия и Китай - это не только БРИКС, но и Мировое большинство, то есть три четверти членов ООН. Чтобы чрезмерно не расширять Совет, нужно сократить представленность в нем стран Запада, тем более что все они признают «лидерство» США, которые вполне могут представлять всю Западную цивилизацию и тех, кто себя с ней ассоциирует. Право на постоянную прописку в Совете имеют Индия и Бразилия, представляющие свои

цивилизации. Речь также об Африке и арабо-исламском мире, которые должны сами решить вопрос о том, кто будет их представлять. В этих условиях абсолютно непроходными будут кандидатуры Германии и Японии: мало того, что они являются западными странами, они еще и не вполне суверенны, будучи под оккупацией США. Если Евросоюз сохранится после нынешнего геополитического кризиса, то место Франции можно было бы преобразовать в место для ЕС. В любом случае неприемлемо то, что пять англосаксонских стран имеют двух постоянных членов СБ - это США и Великобритания, которые к тому же связаны между собой «особыми отношениями».

Пока трудно прогнозировать, как будет трансформироваться ООН. Сначала должен быть преодолен геополитический кризис - по его итогам можно будет судить о новом балансе сил в мире. Далеко не случайно многие считают, да и сами западные элиты того же мнения, что конфликт на Украине, которой Запад обеспечивает стратегическую глубину, имея в виду в том числе поставки современных вооружений и боеприпасов, по своим последствиям будет равнозначен мировой войне.

Запад сам обесценивает ООН, во-первых, поскольку отказывается договариваться с Россией и, во-вторых, запустив в оборот тезис о «порядке, основанном на правилах», что отрицает миропорядок с центральной ролью ООН. Отношение к этому вопросу имеет и то, что Минские соглашения 2015 года были одобрены СБ ООН, а западные столицы затем заявили, что вовсе не намеревались их выполнять, требовать их выполнения от Киева - их реальной целью было выиграть время для перевооружения ВСУ, то есть их подготовки к «окончательному решению» вопроса Донбасса. Уместно вспомнить, что и ремилитаризация Германии (это называлось «умиротворением») также началась с ее нацификации в контексте подготовки агрессии против СССР. Можно предположить, что в качестве критериев постоянного членства в СБ уже не будут иметь прежнего

значения такие факторы, как принадлежность к Антигитлеровской коалиции и статус ядерной державы по ДНЯО. Куда важнее будут факторы культурно-цивилизационного порядка, желание и способность играть позитивную роль в общих делах человечества.

Не исключено, что с Западом, если он будет продолжать претендовать на доминирование, будет трудно договориться. Тогда еще большее значение обретут сложившиеся форматы, прежде всего БРИКС и Группа двадцати, если и ее работу западные столицы не пустят под откос. Мировые проблемы не ждут и требуют коллективных усилий по их решению, и они должны прежде всего учитывать интересы большинства членов мирового сообщества. Не исключается и вариант воссоздания ООН на новой основе - без Запада на начальном этапе и со штаб-квартирой в одной из стран Мирового большинства. Новая всемирная организация будет инклюзивной, и западным странам будет нетрудно к ней присоединиться на общих для всех основаниях. В таком случае старая ООН могла бы существовать параллельно в затухающем режиме, к чему ее в любом случае принуждает агрессивная политика Запада. А ее специализированные агентства со временем перешли бы под эгиду новой ООН, как это было с МОТ и Международным союзом электросвязи, унаследованными ООН от Лиги наций.

БРИКС – это ведущий формат содействия самоорганизации Мирового большинства. В отличие от периода деколонизации сейчас главное - борьба с неокOLONиальной зависимостью, а это - неравноправные условия торговли, контроль Запада над глобальной валютно-финансовой и иной архитектурой. Тут нужны альтернативные площадки и возможности - их и надо создавать с единомышленниками России. Запад не скрывает того, что его политика сдерживания направлена в первую очередь на сдерживание, торможение развития предполагаемых конкурентов. Отсталость в области развития - ключевое условие сохранения западной гегемонии. Поэтому Запад решил делать ставку на опережающее технологическое развитие.

Хотя просто развивать в кругу незападных стран торгово-экономические отношения и иное практическое сотрудничество на основе равноправия и взаимного учета интересов - уже много (так было и в период становления новых независимых государств в политике Советского Союза). В меньшей мере важно и то, что СВО на Украине демонстрирует ограниченность силового ресурса Запада, его резко сократившиеся возможности проводить по всему миру политику силового давления. Это сдерживало многих в странах Мирового большинства в плане противостояния хозяйничанью Запада, в том числе посредством ТНК, на собственной территории, распоряжению ими природными ресурсами этих государств.

Речь идет об исторической миссии России, о миссии утверждения человеческой свободы в ее истинном, христианском понимании. И одновременно об утверждении свободы всех стран и народов, включая западные, но прежде всего стран и народов Глобального Юга. Об этом весь Достоевский. Революция 1917 года, как, собственно, и Китайская революция 1949 года, лишь создала условия для освобождения мира от западного гнета. Сама же эта миссия реализуется сейчас. Как верно утверждал Трубецкой, тогда сознание России еще не было подготовлено к этой исторической роли. К этому страна шла рывками, включая индустриализацию и Великую победу, подлинное значение которой раскрывается только сейчас.

Картина нарождающегося мира⁴⁰

Текущий всеобъемлющий кризис мироустройства, или скорее революция, обусловлен различиями в ожиданиях «нового миропорядка» между Западом и незападным миром после окончания Холодной войны,

---

⁴⁰ В этом разделе использованы выводы доклада Дипакадемии МИД России «Картина нарождающегося мира: базовые черты и тенденции». – М., 2024.

распада Советского Союза и роспуска Организации Варшавского договора. В то время, как повсюду в мире ожидали нового начала в международных отношениях на деидеологизированной основе «вестфальских» принципов Устава ООН, Запад при лидирующей роли Вашингтона сделал выбор в пользу инерционной политики, предполагая «автоматическое» распространение сферы своего доминирования на весь остальной мир как естественного следствия своей «победы в Холодной войне». Организация Североатлантического договора не была распущена и в Европе не была создана общерегиональная, инклюзивная система коллективной безопасности по смыслу Главы VIII Устава ООН, которой континент не знал на протяжении полутора веков. Не состоялось послевоенного урегулирования, как это бывало после любой «большой войны» в Европе, хотя западные столицы с некоторых пор на него ссылаются, косвенно признавая его необходимость.

Как и совокупность двух мировых войн и межвоенного периода, нынешняя ситуация отсылает к Религиозным войнам, черту под которыми подвел Вестфальский мир 1648 года - он вывел религиозные (идейные и ценностные) разногласия за рамки межгосударственных отношений. Спровоцированный США Украинский кризис, включая проведение Россией СВО на Украине с целью ее демилитаризации и денацификации, обозначает эндшпиль этого тридцатилетнего конфликта. Отказ Запада от радикальной трансформации миропорядка на коллективно согласованных принципах загонял болезнь вглубь, обещая резкое и не без потрясений течение данного процесса, отвечающего императивам мирового развития, топтавшегося на месте, если не пошедшего «в минус». Особенно если учесть новое качество общих вызовов и угроз нашего времени, которые требуют коллективных усилий всего мирового сообщества, что невозможно, как показывает опыт, без преодоления старой повестки дня мировой политики, ее инстинктов и идеологических предрассудков. Генри Киссинджер в своем «Лидерстве»,

ссылаясь на опыт «трансформационной дипломатии» Р.Никсона, писал о «согласованных рамках законности как наиболее прочной основе мира» и на этом фундаменте - о «глобальном равновесии/балансе сил». США же через запущенный в оборот тезис о некоем «порядке, основанном на правилах» фактически отрицают и разрушают послевоенный миропорядок, основанный на коллективно согласованных, универсальных, то есть обязательных для всех международно-правовых инструментах, прежде всего Уставе ООН. От отрицания международного права один шаг до отрицания права вообще, включая основу англосаксонского рыночного капитализма - права на неприкосновенность частной собственности. И этот шаг США и их союзники делают, замораживая суверенные активы России и подрывая тем самым одно из фундаментальных оснований своего конституционного порядка, что говорит о наличии системного кризиса западного общества - еще одно измерение текущей глобальной трансформации, которое отсылает к его предшествующему кризису, нашедшему разрешение в событиях 1914-1945 гг.

Как и тогда, все сопровождается кризисом либерализма и самой либеральной идеи, эволюционирующей в направлении тоталитаризма, покушения не только на свободу слова, но и свободу мысли. Россия, в свою очередь, всегда последовательно выступала в защиту международной законности, будь то попытки предотвратить Первую мировую войну посредством созыва Гаагских конференций мира 1899 и 1907 гг. или усилия по созданию Восточного пакта во второй половине 30-х гг. с целью гарантирования границ восточных соседей Германии, что могло бы предотвратить новую Германскую агрессию и Вторую мировую. Еще Александр Горчаков в своей знаменитой («Россия не сердится. Россия сосредоточивается») циркулярной депеше от 2 сентября 1856 года писал:

«мы высказывались во всех случаях, когда считали необходимым выступить в поддержку права»⁴¹.

Созданный в послевоенный период международный правопорядок с центральной ролью ООН и универсальными международно-правовыми инструментами фактически приостановил свое действие в условиях системной конфронтации между Западом и Россией. Это относится прежде всего к поддержанию мира и безопасности. К тому же, основные многосторонние договоры и соглашения, направленные на предотвращение ядерных испытаний, поддержание ядерного паритета, ограничение вооружений и опасной военной деятельности, прекратили свое действие вследствие выхода из них в одностороннем порядке США или приостановки их действия в ответ на это с российской стороны. При этом со стороны государств Мирового большинства, прежде всего развивающихся стран, растет запрос на инклюзивность сложившейся архитектуры глобального управления. Налицо также наличие политической воли со стороны этих стран реализовать в своей внешней политике и мировых делах свою культурно-историческую идентичность. Указанные тренды уже признаются деятелями администрации Дж.Байдена. Вопрос в том, насколько далеко Вашингтон может пойти в адаптации контролируемых им институтов к указанным императивам.

Что касается идеологической основы общественной жизни, то неизбежным представляется противопоставление сфер мировоззрения, идеологии и культурно-исторической идентификации. Это создаст предпосылки для восстановления значения факторов привлекательности обществ и государств в международных отношениях, но уже на сбалансированной и подлинно конкурентной основе. Будет изживаться унификаторский тренд западной политики, равно как и обслуживаемый им

---

⁴¹ Лопатников В.А., Горчаков: Время и служение. – М.: Молодая гвардия, 2011. – 388 – (ЖЗЛ, вып.1333). См. Приложение I.

интервенционизм. Необходимо исходить из двух вариантов развития указанных процессов: «мягкой посадки» - преобладания рациональных подходов и принципов умеренной политики и «жесткой посадки» - накопления критической массы в сложной системе с реализацией обвального сценария в любой момент, причем триггером может послужить любое событие, будь то геополитического, регионального или внутреннего характера, независимо от его размеров и значимости в существующей и все более «гиперреальной» системе координат.

Заслуживают внимания такие выводы и прогнозы Валдайского клуба⁴², как развитие тренда эрозии любых иерархических построений в системе международных отношений при параллельной ресуверенизации государств, реагирующих на западное унификаторство акцентированием своей идентичности и самобытности. США, однако, продолжают действовать как классическая держава статус-кво, что и служит причиной нынешних противоборств, позволяющих говорить о новом варианте Холодной войны. Ее исход возможен не в формате «сделки (или «большой сделки»», как это определяется в американской политологии: в современных условиях такое урегулирование за спиной собственного электората и мирового сообщества попросту нереалистично) или «мирного конгресса» победителей, а «в ходе естественного процесса взаимодействия государств и нахождения приемлемых для всех государств вариантов международного устройства», то есть без победителей и побежденных - идеал «мира без победителей», который не был реализован в Первую мировую войну в силу предрассудков элит, взаимной демонизации сторон и императива возложить ответственность за эту бойню, развязанную вроде как цивилизованной Европой, на побежденного. На политико-дипломатическое урегулирование

---

⁴² /Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай», «Аттестат зрелости, или Порядок, какого еще не было.» Октябрь 2023 года.

будет работать и рассредоточение факторов силы/мощи, в том числе ресурсной и технологической, в более широком кругу ведущих государств.

При всем том, что идея многополярности отсылает к иерархическим моделям миропорядка, она, по мнению авторитетных экспертов в области международных отношений (Ганс Моргентау, Раймон Арон и др.), является стабильной и исторической нормой, а в нынешних условиях еще и асинхронной. Из этого можно заключить, что сам американский тезис о «ревизионистских державах», покушающихся на глобальную гегемонию США, антиисторичен и возводит в правило то, что является аберрацией, будь то биполярная конфронтация или «однополярный момент». Регионализация глобальной политики и ее воссоздание снизу будут отражать многоуровневый баланс сил и интересов, что будет служить гарантией от диктата глобального «концерта держав».

Демократизации международных отношений будут способствовать невозможность проведения секретной дипломатии в современных условиях и необходимость реальной вовлеченности всех государств в поиск решений глобальных проблем, представленных новыми вызовами и угрозами, являющимися трансграничными по своей природе. В том же направлении будут действовать такие принципы, как неделимость безопасности и мирное сосуществование, предполагающее равенство различных культур и цивилизаций, их моделей развития, укорененных в истории. Грей считает, что государство должно быть превращено в средство мирного сосуществования внутри общества и вовне: «Вера в то, что одна форма правления подходит для всех, является разновидностью тирании». И если в истории действует эволюционный процесс, то нет оснований полагать, что он отдает преимущество Западу. Преобладать будут те режимы, которые лучше других адаптируются к «произвольному ходу истории». Не наиболее производительные, а те, которые наилучшим образом используют шансы,

предоставленные случаем, - они и будут, как он полагает, наиболее жизнеспособными.

Применительно к теме Истории/«конца истории», включая тезисы о «новом Средневековье» и «неофеодализме», имеют значение суждения Жана Бодрийяра (в его эссе «Некроспектива» в сборнике «Прозрачность зла» 1990 г.)⁴³ о феномене переписывания на Западе после окончания Холодной войны истории всего XX века: «пересмотре всей Истории, ... быть может, в тайной надежде в новом тысячелетии начать все с нуля». Звучит актуально в свете борьбы западных элит с историей, в том числе как источником национальной идентичности. В заключение Бодрийяр предполагает, что История «в конце концов будет удаляться от своего конечного значения в противоположном направлении». А.И. Фурсов (в книге «Наше «время Босха»)⁴⁴ пишет о наступлении апокалиптического «времени Босха», которое в позднем Средневековье и раннем Новом времени привело к генезису капитализма, притом что «финал зеркален генезису».

Посткапитализм может иметь все признаки предсказанного постмодернистами концлагеря - скорее всего, «электронно-медицинского». Противостояние такой перспективе может послужить одной из мотиваций самоорганизации и сплочения Мирового большинства, равно как и основанием для его «смычки» с частью западного электората, укорененной в своих странах, истории и традиционных ценностях. И если мир подошёл к идее посткапиталистической проектности, то это не может не открывать простора для исторического творчества России и других ведущих незападных стран, сотрудничающих в рамках БРИКС, в ООН и Группе двадцати.

---

⁴³ Бодрийяр Ж.: Прозрачность зла. - М.: «Добросвет», «Издательство „КДУ“», 2009. — 387 с.

⁴⁴ Фурсов А.И. Наше "время Босха". - Наше Завтра, 2023 г. – 384 с.